

Звездные дневники Ийона Тихого (сборник)

Автор:

Станислав Лем

Звездные дневники Ийона Тихого (сборник)

Станислав Герман Лем

Ийон ТихийЭксклюзивная классика (АСТ)

Предлагая вниманию читателей публикацию некоторых частей «Звездных дневников» Ийона Тихого, издатель не намерен тратить чернила на описание заслуг знаменитого путешественника, имя которого хорошо известно всем обитателям Млечного Пути. Звездoproходец и капитан дальнего галактического плавания, неутомимый охотник за метеорами и кометами и исследователь и первооткрыватель восьмидесяти тысяч трех миров, доктор гонорис кауза университетов созвездий обеих Медведиц, член Общества по опеке за малыми планетами и ряда других обществ, орденоносный кавалер звездных туманностей, Ийон Тихий сам предстанет перед читателями в своих «Дневниках»!

Станислав Лем

Звездные дневники Ийона Тихого (сборник)

Stanilsaw Lem

DZIENNIKI GWIAZDOWE IJONA TICHEGO

Печатается с разрешения наследников Станислава Лема и Агентства Александра Корженевского (Россия).

© S. Lem, 1954, 1956, 1957, 1960, 1964, 1966, 1971, 1976, 1983, 1993

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Предисловие

Описание доблестей Ийона Тихого, имя которого известно в обеих частях Млечного Пути, не входит в намерения издателя. Мы представляем вниманию Читателя избранные отрывки из «Звездных дневников» Ийона Тихого. Знаменитый звездoproходец, капитан дальнего галактического плавания, охотник за метеорами и кометами, неутомимый исследователь, открывший восемьдесят тысяч три мира, почетный доктор университетов Обеих Медведиц, член Общества по опеке над малыми планетами и многих других обществ, кавалер млечных и туманностных орденов Ийон Тихий сам представится читателю в этих «Дневниках», ставящих его наравне с такими неустрашимыми мужами древности, как Карл Фридрих Иероним Мюнхгаузен, Павел Маслобойников, Лемюэль Гулливер или магистр Алькофрибас.

Совокупность «Дневников», насчитывающих восемьдесят семь томов ин-кварто, с картами всех путешествий и приложениями (звездным словарем и ящиком с образцами), находится в обработке у группы ученых-астрогаторов и планетников; вследствие огромного объема необходимой работы они выйдут еще не скоро. Полагая, что таить великие открытия Ийона Тихого от широчайших слоев Читателей было бы неуместно, издатель выбрал из «Дневников» небольшие отрывки и выпускает их в необработанном виде, без сносок, примечаний, комментариев и словаря космических выражений.

В подготовке «Дневников» к печати мне не помогал никто; тех, кто мне мешал, я не перечисляю, так как это заняло бы слишком много места.

АСТРАЛ СТЕРНУ ТАРАНТОГА,

профессор космической зоологии Фомальгаутского университета

Фомальгаут, 18 VI. Космической Пульсации

Вступление к III изданию

Настоящее издание сочинений Ийона Тихого, не будучи ни полным, ни критически выверенным, является все же шагом вперед по сравнению с предыдущими. Его удалось дополнить текстами двух не известных ранее путешествий – восьмого и двадцать восьмого[1 - Е. М. Сянка. Подстилка левого ящика письменного стола И. Тихого – манускрипт его неопубликованных работ; том XVI серия «Тихиана», с 1193 и след.]. Это последнее содержит новые подробности биографии Тихого и его предков, любопытные не только для историка, но и для физика, поскольку из них вытекает зависимость (о которой я давно догадывался) степени семейного родства от скорости[2 - O.J. Burberrys. Kinship as velocity function in family travels; том XVII серии «Тихиана», с. 232 и след.].

Что же касается путешествия восьмого, то группа тихопсихоаналитиков перед сдачей настоящего тома в печать изучила все факты, имевшие место во сне И. Тихого[3 - Dr.S. Hopfstosser. Das epistemologisch Unbestrittbar in einem Traume von Ijon Tichu; спец. вып. серии «Тихиана», том VI, с. 67 и след.]. В работе доктора Гопфштоссера интересующийся Читатель найдет сравнительную библиографию предмета, где раскрывается влияние снов других знаменитостей, таких как Исаак Ньютон и семейство Борджа, на сонные видения Тихого и наоборот.

Вместе с тем в настоящий том не вошло путешествие двадцать шестое, которое в конце концов оказалось апокрифом. Это доказала группа сотрудников нашего Института путем электронного сравнительного анализа текстов[4 - Е.М. Сянка, А.У. Хлебев, В.У. Каламарайдысова. Частотный анализ лингвистических бета-спектров И. Тихого; том XVIII серии «Тихиана».]. Стоит, пожалуй, добавить, что

лично я давно уже считал так называемое «Путешествие двадцать шестое» апокрифом ввиду многочисленных неточностей в тексте; это относится, в частности, к тем местам, где речь идет об одолюгах (а не «одоленгах», как значилось в тексте), а также о Меопсере, муциохах и медлитах (Phlegmus Invariabilis Hopfstosseri).

В последнее время слышны голоса, ставящие под сомнение авторство Тихого в отношении его «Дневников». Печать сообщала, что Тихий будто бы пользовался чьей-то помощью, а то и вовсе не существовал, а его сочинения создавались неким устройством, так называемым «Лемом». Согласно наиболее крайним версиям, «Лем» даже был человеком. Между тем всякий, кто хоть немного знаком с историей космоплавания, знает, что LEM – это сокращение, образованное от слов LUNAR EXCURSION MODULE, то есть лунный исследовательский модуль, построенный в США в рамках проекта «Аполло» (первая высадка на Луну). Ийон Тихий не нуждается в защите ни как автор, ни как путешественник. Тем не менее пользуюсь случаем, чтобы опровергнуть нелепые толки. Укажу, что LEM, правда, был снабжен небольшим мозжечком (электронным), но это устройство использовалось для весьма ограниченных навигационных целей и не смогло бы написать ни одной осмысленной фразы. Ни о каком другом ЛЕМе ничего не известно. О нем умалчивают как каталоги больших электронных машин (см., напр., каталог «Нортроникс», Нью-Йорк, 1966—69), так и «Большая космическая энциклопедия» (Лондон, 1979). Поэтому недостойные серьезных ученых домыслы не должны мешать кропотливой работе тихологов, от которых потребуются еще немало усилий, чтобы довести до конца многолетний труд по изданию «OPERA OMNIA»[5 - «Полное собрание сочинений» (лат.).] И. Тихого.

Профессор А.С. ТАРАНТОГА

Кафедра сравнительной астрозоологии Формальгаутского университета

за Редакционную комиссию «Полного собрания сочинений» Ийона Тихого,

а также

за Ученый Совет Тихологического института и Коллектив Редакции квартальника «Тихиана»

Предисловие к расширенному изданию

С радостью и волнением предлагаем Читателю новое издание сочинений Ийона Тихого; здесь, наряду с текстами трех не известных ранее путешествий (восемнадцатого, двадцатого и двадцать первого), помещены любопытнейшие рисунки, выполненные рукой Автора, а также содержится ключ к ряду загадок, над которыми напрасно бились виднейшие эксперты-тихологи.

Что касается иллюстраций, то Автор долго отказывался предоставить их в наше распоряжение, утверждая, что рисовал экземпляры звездно-планетных существ – *in flagranti*[б - На месте (преступления) (лат.).] или из своей домашней коллекции – лишь для себя и к тому же в большой спешке, так что ни художественной, ни документальной ценности эти рисунки не имеют. Но, будь они даже мазней (с чем, впрочем, согласны не все знатоки), они незаменимы в качестве наглядных пособий при чтении текстов, местами весьма трудных и темных. Вот первая причина удовлетворения, которое испытывает наш коллектив.

Но кроме того, тексты новых путешествий приносят успокоение уму, жаждущему окончательного ответа на извечные вопросы, которые человек задает себе и миру; здесь сообщается, кто и почему именно так сотворил Космос, естественную и всеобщую историю, разум, бытие и прочие не менее важные вещи. Оказывается – какой приятный сюрприз для Читателя! – участие нашего почтенного Автора в этой сотворительной деятельности было немалым, нередко даже решающим. Поэтому понятно упорство, с которым он – из скромности – защищал ящик письменного стола, где эти рукописи хранились, и не менее понятно удовлетворение тех, кто в конце концов преодолел сопротивление Тихого. Попутно выясняется, откуда возникли проблемы в нумерации звездных дневников. Лишь изучив настоящее издание, Читатель поймет, почему Первого путешествия И. Тихого не только никогда не было, но и быть не могло; напрягши внимание, он также уяснит себе, что путешествие, названное двадцать первым, было одновременно и девятнадцатым. Правда, в этом нелегко разобраться, ибо Автор вычеркнул несколько десятков строк в конце указанного документа. Почему? Опять-таки по причине своей

непреоборимой скромности. Не будучи вправе нарушить наложенную на мои уста печать молчания, я все же решусь чуть-чуть приоткрыть эту тайну. Видя, к чему ведут попытки исправить предысторию и историю, И. Тихий в качестве Директора Темпорального института сделал нечто такое, из-за чего так и не состоялось открытие Теории Передвижения во Времени. Когда же по его указанию это открытие подверглось закрытию, то вместе с ним исчезли Программа телехронического исправления истории, Темпоральный институт и, увы, директор Института И. Тихий. Горечь утраты отчасти смягчается тем, что как раз благодаря ей мы уже можем не опасаться фатальных сюрпризов хотя бы со стороны прошлого, отчасти же тем, что безвременно усопший по-прежнему жив, хотя никоим образом не воскресал. Этот факт, признаюсь, поражает воображение; объяснение Читатель найдет в соответствующих местах настоящего издания, а именно в путешествиях двадцатом и двадцать первом.

В заключение сообщаю, что в нашем Объединении создается особое футурологическое подразделение; в соответствии с духом времени оно при помощи метода т. н. самосбывающихся прогнозов будет изучать и те путешествия И. Тихого, которых он не совершал и совершать не намеревался.

Проф. А.С. ТАРАНТОГА

за Объединенные Институты Описательной, Сравнительной и Прогностической Тихологии и Тихографии

Информационная заметка

ПУС ОБИОСиПТТТ[7 - Президиум Ученого Совета Объединенных Институт Описательной, Сравнительной и Прогностической Тихологии, Тихографии и Тихономики.] поручил мне ознакомить галактическую общественность с обстоятельствами, при которых появилось на свет настоящее издание СПИТ[8 - Собрание Произведений Ийона Тихого.], в обиходе именуемого «Звездными дневниками», что я и делаю.

Основополагающее стремление Ийона Тихого – это стремление к абсолютной истине. В последнее время его посетили сомнения в степени истинности того, что он себе снил на темы, предложенные ему ПУС ОБИОСиПТТТ в связи с реорганизацией указанного учреждения. Ввиду этого Ийон Тихий решил провести инвентаризацию собственной памяти при помощи МММ ПУС ОБИОСиПТТТ[9 - Математические Моделирующие Машины ПУС ОБИОСиПТТТ.]. Поскольку тем самым под переучет подпали разделы СПИТ, в обиходе именуемые «Воспоминания Ийона Тихого», ПУС ОБИОСиПТТТ оказался перед нелегким выбором: либо приостановить печатание настоящего издания СПИТ до окончания переучета, либо издать «Звездные дневники» без «Воспоминаний».

Памятуя о возрастающем дефиците СПИТ и, следовательно, необходимости срочного удовлетворения той поистине космической потребности, какой является чтение трудов Тихого, мы решились выпустить сокращенное издание СПИТ, за которым последует публикация опущенных в нем «Воспоминаний», – как только Ийон Тихий закончит переучет.

За ПУС ОБИОСиПТТТ

Проф. А.С. ТАРАНТОГА

Постскрипtum. В настоящее издание не вошли также путешествия двенадцатое и двадцать четвертое Ийона Тихого, поскольку во время перерыва на завтрак готовый уже набор был разбит никелево-марганцевым метеоритом из потока Леонид; приносим свои извинения г.г. Читателям за это вмешательство высшей силы.

Путешествие седьмое

Когда в понедельник, второго апреля, я пролетал вблизи Бетельгейзе, метеорит размером не больше фасолины пробил обшивку, вывел из строя регулятор

мощности и повредил рули – ракета потеряла управление. Я надел скафандр, выбрался наружу и попробовал исправить повреждение, но убедился, что установить запасной руль, который я предусмотрительно захватил с собой, без посторонней помощи невозможно. Конструкторы спроектировали ракету так нелепо, что один человек не мог затянуть гайку: кто-нибудь другой должен был придерживать ключом головку болта. Сначала это меня не очень беспокоило, и я потратил несколько часов, пытаясь удержать один ключ ногами и в то же время рукой завернуть с другой стороны гайку. Но прошло уже время обеда, а мои усилия все еще ни к чему не привели. В тот момент, когда мне это почти удалось, ключ вырвался у меня из-под ноги и умчался в космическое пространство. Так что я не только ничего не исправил, но еще и потерял ценный инструмент и лишь беспомощно смотрел, как он удаляется, все уменьшаясь на фоне звезд.

Через некоторое время ключ вернулся по вытянутому эллипсу, но, хоть он и стал спутником ракеты, все же не приближался к ней настолько, чтобы я мог его схватить. Я вернулся в ракету и, наскоро перекусив, задумался над тем, каким образом выйти из этого дурацкого положения. Корабль тем временем летел по прямой со все увеличивающейся скоростью – ведь проклятый метеорит испортил мне и регулятор мощности. Правда, на курсе не было никаких небесных тел, но не мог же этот полет вслепую продолжаться до бесконечности. Некоторое время мне удавалось сдерживать гнев. Но когда, принявшись после обеда за мытье посуды, я обнаружил, что разогревшийся от перегрузки атомный реактор погубил лучший кусок говяжьего филе, который я оставил в холодильнике на воскресенье, я на мгновение потерял душевное равновесие и, извергая ужаснейшие проклятия, разбил часть сервиза. Это хотя и было не очень разумно, однако принесло мне некоторое облегчение. Вдобавок выброшенная за борт говядина, вместо того чтобы улететь в пространство, не хотела расставаться с ракетой и кружила около нее, как второй искусственный спутник, регулярно каждые одиннадцать минут и четыре секунды вызывая кратковременные солнечные затмения. Чтобы успокоить нервы, я до вечера рассчитывал элементы ее орбиты, а также возмущения, вызванные движением потерянного ключа. У меня получилось, что в течение ближайших шести миллионов лет говядина будет догонять ключ, обращаясь вокруг ракеты по круговой орбите, а потом обгонит его.

Устав от вычислений, я лег спать. Среди ночи мне показалось, что меня трясут за плечо. Я открыл глаза и увидел наклонившегося над постелью человека, лицо которого показалось мне удивительно знакомым, хотя я понятия не имел, кто бы это мог быть.

– Вставай, – сказал он, – и бери ключи. Пойдем наружу закрепим руль...

– Во-первых, мы не настолько хорошо знакомы, чтобы вы мне «тыкали», – ответил я, – а во-вторых, я точно знаю, что вас нет. Я в ракете один, и притом уже второй год, так как лечу с Земли в созвездие Тельца. Поэтому вы мне только снитесь.

Но он по-прежнему тряс меня, повторяя, чтобы я немедленно шел с ним за инструментами.

– Глупости, – отмахнулся я, уже начиная злиться, так как боялся, что эта ссора во сне разбудит меня, а я по опыту знаю, как трудно заснуть после такого внезапного пробуждения. – Никуда я не пойду, это же бессмысленно. Болт, затянутый во сне, не изменит положения, существующего наяву. Прошу не надоедать мне и немедленно растаять или исчезнуть каким-нибудь другим способом, а то я могу проснуться.

– Но ты не спишь, клянусь тебе! – воскликнуло упрямое привидение. – Ты не узнаешь меня? Взгляни!

С этими словами он прикоснулся пальцами к двум большим, как земляничины, бородавкам на левой щеке. Я непроизвольно схватился за свое лицо, потому что у меня на том же месте две точно такие же бородавки. И тут я понял, почему приснившийся напоминал мне кого-то знакомого: он был похож на меня, как одна капля воды на другую.

– Оставь меня в покое! – крикнул я и закрыл глаза, испугавшись, что проснусь. – Если ты являешься мной, то мне действительно незачем говорить тебе «вы», но вместе с тем это доказывает, что ты не существуешь.

Затем я повернулся на другой бок и натянул одеяло на голову. Я слышал еще, как он говорил что-то об идиотизме и наконец, поскольку я не реагировал, выкрикнул:

– Ты еще пожалеешь об этом, болван! И убедишься, что это вовсе не сон, но будет поздно!

Я даже не шелохнулся. Когда я утром открыл глаза, мне сразу вспомнилось это странное ночное происшествие. Я сел на кровати и задумался о том, какие шутки играет с человеком его собственный разум: перед лицом безотлагательной необходимости, не имея на борту ни одной родственной души, я раздвоился в сонных грезах, чтобы победить опасность.

После завтрака я обнаружил, что за ночь ракета получила дополнительную порцию ускорения, и принялся листать книги бортовой библиотеки, разыскивая в справочниках совет на случай безвыходного положения, но ничего не нашел. Тогда я разложил на столе звездную карту и в свете близкой Бетельгейзе, которую время от времени заслоняла вращающаяся вокруг ракеты говядина, стал искать поблизости очаг какой-нибудь космической цивилизации, обитатели которого могли бы оказать мне помощь. Но это была настоящая звездная глушь, и все корабли обходили ее стороной как исключительно опасный район, – здесь возникали грозные, таинственные гравитационные вихри в количестве ста сорока семи штук, существование которых объясняют шесть астрофизических теорий, и все по-разному.

Календарь космонавта предостерегал от них ввиду непредсказуемых последствий релятивистских эффектов, которые может повлечь за собой прохождение сквозь вихрь, особенно при высокой собственной скорости.

Но я был беспомощен. Я лишь подсчитал, что край первого вихря заденет мою ракету около одиннадцати, и поэтому поспешил приготовить завтрак, чтобы не бороться с опасностью натошак. Едва я вытер последнее блюдо, как ракету начало швырять во все стороны; плохо закрепленные предметы летали от стены к стене. Я с трудом добрался до кресла и, привязавшись к нему, в то время как корабль швыряло все сильнее, заметил, что словно какая-то бледно-лиловая мгла заволокла противоположную часть каюты и там, между раковиной и плитой, появилась туманная фигура человека в переднике. Человек лил взболтанные яйца на сковороду. Он взглянул на меня внимательно, но без удивления, потом видение заколебалось и исчезло. Я протер глаза. Вне всякого сомнения, я был один и поэтому приписал это видение временному помрачению рассудка.

Я по-прежнему сидел в кресле, вернее, подпрыгивал вместе с ним, и тут меня осенило: я понял, что это совсем не галлюцинация. Когда толстый том «Общей теории относительности» пролетал мимо моего кресла, я попробовал его схватить, что удалось мне только при четвертой попытке. Листать тяжелую

книгу в таких условиях было трудно – страшные силы играли кораблем, он мотался, как пьяный, но мне все-таки удалось найти нужное место. Там говорилось о феноменах так называемой петли времени, то есть об искривлении вектора времени в пределах особенно мощных гравитационных полей; это явление может иногда привести даже к тому, что время повернет вспять и произойдет так называемое удвоение настоящего. Вихрь, сквозь который я сейчас проходил, не принадлежал к самым мощным. Я знал, что, если бы мне удалось хоть немного развернуть корабль к полюсу Галактики, я бы проткнул так называемый Vortex Gravitatiosus Pinckenbachii, в котором многократно наблюдалось удвоение и даже утроение настоящего.

Правда, рули не действовали, но я прошел в реакторный отсек и манипулировал до тех пор, пока не добился небольшого отклонения курса ракеты к галактическому полюсу. Эта операция заняла у меня несколько часов. Результат превзошел все ожидания. Корабль попал в центр вихря около полуночи, вибрируя и постанывая всеми сочленениями. Я испугался, что он развалится, но он вышел из испытания с честью, а когда снова попал в объятия мертвой космической тишины, я покинул реакторный отсек и увидел самого себя сладко спящим на кровати. Я сразу понял, что это я из предыдущих суток, то есть из ночи понедельника. Не раздумывая над философской стороной этого весьма своеобразного явления, я тотчас стал трясти спящего за плечо, требуя, чтобы он быстро вставал, – я ведь не знал, как долго его понедельничное существование будет продолжаться в моем вторичном, и поэтому нам нужно было как можно скорее выйти наружу, чтобы вместе исправить руль.

Но спящий открыл только один глаз и заявил, что не желает, чтобы я ему «тыкал», а также что я только его сновидение. Напрасно я нетерпеливо тряс его, напрасно пытался силой вытащить из постели. Он отбивался, упрямо повторяя, что я ему снюсь; я начал ругаться, он логично объяснил мне, что никуда не пойдет, так как болты, завинченные во сне, не будут держать рулей наяву. Напрасно я клялся, что он ошибается, поочередно то уговаривая, то проклиная; даже продемонстрированные мною бородавки не убедили его, что я говорю правду. Он повернулся ко мне спиной и захрапел. Я уселся в кресло, чтобы спокойно обдумать создавшееся положение. Я пережил его дважды, один раз как этот спящий, в понедельник, а теперь как безрезультатно будивший его во вторник. Я понедельничный не верил в реальность явления дубликации, но я вторичный уже знал о нем. Это была самая обычная петля времени. Что же делать, как исправить рули? Поскольку понедельничный продолжал спать, а также поскольку я помнил, что в ту ночь я превосходно проспал до утра, я понял, что бесполезно дальше его будить.

Карта предвещала еще множество больших гравитационных вихрей, и я мог рассчитывать на удвоение настоящего в течение следующих дней. Я хотел написать себе письмо и приколоть его булавкой к подушке, чтобы я понедельничный, проснувшись, мог воочию убедиться в реальности мнимого сна.

Но не успел я сесть к столу и взяться за перо, как в двигателях что-то загрохотало, я бросился к ним и до утра поливал водой перегревшийся атомный реактор; а между тем понедельничный я сладко спал, да еще время от времени облизывался, что меня здорово злило. Голодный, усталый, так и не сомкнув глаз, я занялся завтраком и как раз вытирал тарелки, когда ракета вошла в следующий гравитационный вихрь. Я видел себя понедельничного, видел, как он, привязанный к креслу, ошалело смотрит, как я вторничный жарю яичницу. Потом от резкого толчка я потерял равновесие, у меня потемнело в глазах, и я упал. Очнувшись на полу среди битой посуды, я обнаружил у самого своего лица ноги стоящего надо мной человека.

– Вставай, – сказал он, поднимая меня. – Ты не ушибся?

– Нет, – ответил я, опираясь руками о пол; у меня кружилась голова. – Ты из какого дня недели?

– Из среды. Идем, надо быстро исправить рули, жаль терять время!

– А где тот, понедельничный? – спросил я.

– Его уже нет, то есть, очевидно, это ты.

– Как это я?

– Ну да, понедельничный стал в ночь с понедельника на вторник вторничным и так далее...

– Не понимаю!

– Не важно, это с непривычки. Ну, пошли, не будем терять времени!

– Сейчас, – ответил я, не поднимаясь с пола. – Сегодня вторник. Если ты из среды и до этой минуты в среду рули еще не исправлены, значит, что-то помешает нам их исправить; в противном случае ты в среду уже не уговаривал бы меня, чтобы я во вторник исправлял их вместе с тобой. Может, лучше не стоит рисковать и лезть наружу?

– Бред! – воскликнул он. – Послушай, я из среды, а ты из вторника, что же касается ракеты, то я допускаю, что она, так сказать, слоистая, то есть местами в ней вторник, местами среда, а кое-где, возможно, есть даже немного четверга. Просто время перемешалось при прохождении сквозь вихри. Но какое нам до этого дело, если нас двое и поэтому есть возможность исправить рули?!

– Нет, ты не прав, – ответил я. – Если в среду, где ты уже находишься, прожив весь вторник, если, повторяю, в среду рули неисправны, то из этого следует, что они не были исправлены во вторник, потому что сейчас вторник, и, если бы мы пошли сейчас и исправили их, для тебя этот момент был бы уже прошлым, и нечего было бы исправлять. Итак...

– Итак, ты упрям, как осел! – рявкнул он. – Ты еще раскаешься в своей глупости! Меня утешает только одно: ты будешь точно так же беситься из-за своего тупого упрямства, как я сейчас, – когда сам доживешь до среды!!!

– Ах, позволь! – воскликнул я. – Значит ли это, что в среду, став тобой, я буду пытаться уговаривать меня вторничного так, как ты это делаешь сейчас, только все будет наоборот, то есть ты будешь мной, а я тобой? Понимаю! В этом и заключается петля времени! Погоди, я иду, сейчас иду, я уже понял...

Однако прежде чем я встал с пола, мы попали в новый вихрь, и страшная тяжесть распластала нас на потолке.

Ужасные толчки и сотрясения продолжались всю ночь со вторника на среду. Когда стало немного поспокойнее, летающий по каюте том «Общей теории относительности» с такой силой ударил меня по голове, что я потерял сознание. Открыв глаза, я увидел осколки посуды и лежащего среди них человека. Я вскочил и, поднимая его, воскликнул:

– Вставай! Ты не ушибся?

– Нет, – ответил он, открывая глаза. – Ты из какого дня недели?

– Из среды. Идем, надо быстро исправить рули, жаль терять время.

– А где тот, понедельничный? – спросил он, садясь. Под глазом у него был синяк.

– Его уже нет, – сказал я. – То есть, очевидно, это ты.

– Как это я?

– Ну да, понедельничный стал в ночь с понедельника на вторник вторичным и так далее...

– Не понимаю!

– Не важно, это с непривычки. Ну, пошли, не будем терять времени!

Говоря это, я начал осматриваться в поисках инструментов.

– Сейчас, – ответил он не спеша, даже не шевельнув пальцем. – Сегодня вторник. Если ты из среды и до этой минуты в среду рули еще не исправлены, значит, что-то мешает нам их исправить; в противном случае ты в среду уже не уговаривал бы меня, чтобы я во вторник исправлял их вместе с тобой. Может, лучше не стоит рисковать и лезть наружу?

– Бред! – заорал я, рассвирепев. – Послушай, я из среды, а ты из вторника...

Мы начали ругаться, поменявшись ролями, причем он в самом деле довел меня до бешенства, потому что никак не соглашался чинить со мной рули, и я тщетно называл его упрямым ослом. А когда мне наконец удалось его уговорить, мы попали в очередной гравитационный вихрь. Я обливался холодным потом, так как подумал, что теперь мы будем крутиться в этой петле времени, как в клетке, до бесконечности, но, к счастью, этого не случилось. Когда тяготение уменьшилось настолько, что я смог подняться, я снова был один в кабине. Очевидно, локальный вторник, застрявший рядом с раковиной, исчез, бесповоротно став прошлым. Я немедленно сел за карту, отыскивая какой-нибудь порядочный вихрь, в который мог бы ввести ракету, вызвать новое

искривление времени и таким образом обрести помощника.

Наконец я нашел один, довольно многообещающий, и, маневрируя двигателями, с большим трудом направил ракету так, чтобы пересечь его в самом центре. Правда, конфигурация этого вихря была, как показывала карта, весьма необычна – он имел два расположенных рядом центра. Но я уже настолько отчаялся, что не обратил внимания на эту аномалию.

Во время многочасовой возни в моторном отсеке я сильно запачкал руки и решил помыться, так как до входа в вихрь времени оставалось еще много. Ванная была закрыта. Из нее доносилось бульканье, словно кто-то полоскал горло.

– Кто там?! – крикнул я удивленно.

– Я, – ответил голос изнутри.

– Какой еще «я»?

– Ийон Тихий.

– Из какого дня?

– Из пятницы. Тебе чего?

– Хочу помыть руки... – бросил я машинально, заставив свой мозг работать с максимальной интенсивностью: сейчас среда, вечер, он из пятницы, значит, гравитационный вихрь, в который должен был войти корабль, искривил время из пятницы в среду, но я никак не мог сообразить, что будет внутри вихря дальше. Особенно занимало меня, куда мог деваться четверг? Пятничный между тем все еще не впускал меня в ванную, продолжая возиться внутри, несмотря на то, что я упорно стучал в дверь.

– Перестань полоскать горло! – заорал я наконец, потеряв терпение. – Дорога каждая минута – выходи немедленно, починим рули!

– Для этого я тебе не нужен, – флегматично ответил он из-за двери, – где-то там должен быть четверговый, иди с ним...

– Какой еще четверговый? Это невозможно...

– Наверное, я лучше знаю, возможно это или нет. Я-то уже в пятнице и, стало быть, пережил и твою среду, и его четверг...

Ощущая легкое головокружение, я отошел от двери и действительно услышал шум в каюте: там стоял человек и вытаскивал из-под кровати футляр с инструментами.

– Ты четверговый?! – воскликнул я, вбегая в каюту.

– Да, – ответил он. – Да... Помоги мне...

– А удастся нам сейчас исправить рули? – спросил я его, когда мы вместе вытаскивали из-под кровати сумку с инструментами.

– Не знаю, в четверг они еще не были исправлены, спроси у пятничного...

Действительно, как это я не догадался! Я быстро подбежал к двери ванной.

– Эй! Пятничный! Рули уже исправлены?..

– В пятницу нет.

– Почему?

– Потому, – ответил он, одновременно отворяя дверь. Его голова была обмотана полотенцем, а ко лбу он прижимал лезвие ножа, пытаясь остановить рост большой, как яйцо, шишки. Четверговый, подошедший в это время с инструментами, остановился рядом со мной, спокойно и внимательно разглядывая пострадавшего, который свободной рукой ставил на полку бутылку со свинцовой примочкой. Это ее бульканье я принимал за полоскание горла.

– Что это тебя так? – спросил я сочувственно.

– Не что, а кто. Это был воскресный.

– Воскресный? Зачем... Не может быть!

– Это долгая история...

– Все равно! Быстро наружу, может, успеем! – повернулся ко мне четверговый.

– Но ракета вот-вот войдет в вихрь, – ответил я. – Толчок может выбросить нас в пустоту, и мы погибнем...

– Не болтай глупостей, – сказал четверговый. – Если существует пятничный, с нами ничего не может случиться. Сегодня только четверг...

– Среда! – возразил я.

– Ладно, это безразлично, во всяком случае, в пятницу я буду жить. И ты тоже.

– Но ведь это только кажется, что нас двое, – заметил я, – на самом деле я один, только из разных дней недели...

– Хорошо, хорошо, открывай люк...

Но тут оказалось, что у нас на двоих только один скафандр. Следовательно, мы не могли оба выйти из ракеты одновременно, и план исправления рулей провалился.

– А, черт возьми! – воскликнул я зло, швыряя сумку с инструментами. – Нужно было надеть скафандр и не снимать его – я об этом не подумал, но ты, как четверговый, должен был об этом помнить!

– Скафандр у меня отобрал пятничный.

– Когда? И зачем?

– Э, не все ли равно, – пожал он плечами и, повернувшись, ушел в каюту.

Пятничного в ней не было. Я заглянул в ванную, но и она была пуста.

– Где пятничный? – спросил я, пораженный.

Четверговый аккуратно разбивал ножом яйца и выливал их содержимое в шипящий жир.

– Наверное, где-нибудь в районе субботы, – спокойно ответил он, быстро помешивая яичницу.

– О, прошу прощения, – запротестовал я, – свой рацион за среду ты уже съел, ты не имеешь права второй раз за среду ужинать!

– Эти запасы настолько же твои, насколько мои. – Он спокойно приподнимал пригорающие края яичницы ножом. – Я являюсь тобой, а ты – мной, так что это все равно...

– Что за софистика! Не клади так много масла! Ошалел? У меня не хватит запасов на такую ораву!

Сковородка выскочила у него из рук, а я отлетел к стенке – мы вошли в новый вихрь. Корабль снова трясся как в лихорадке, но я думал только о том, чтобы попасть в коридор и надеть скафандр. Таким образом, рассуждал я, когда после среды придет четверг, я четверговый буду уже в скафандре и если только ни на мгновение его не сниму, как я твердо решил, то он окажется на мне и в пятницу. Тогда я из четверга, так же как я из пятницы, мы оба будем в скафандрах и, встретившись в одном настоящем, сможем наконец исправить эти чертовы рули. Из-за увеличения силы тяжести я потерял сознание, а когда открыл глаза, заметил, что лежу по правую руку четвергового, а не по левую, как несколько минут назад. Придумать план со скафандром было несложно, гораздо труднее было привести его в исполнение – из-за возросшей тяжести я едва мог шевелиться. Как только тяготение хоть немного ослабевало, я проползал несколько миллиметров к двери, ведущей в коридор. При этом я заметил, что четверговый, так же как и я, понемногу продвигается к двери. Наконец примерно час спустя – вихрь был очень обширный – мы встретились, распластанные, на полу у порога. Я подумал, что напрасно трачу силы, стараясь дотянуться до ручки, – пусть дверь откроет четверговый. Одновременно я начал припоминать разные вещи, из которых следовало, что это я теперь четверговый,

а не он.

– Ты из какого дня? – спросил я, чтобы удостовериться окончательно. Мой подбородок был прижат к полу, мы лежали нос к носу. Он с трудом разжал губы.

– Из чет... верга... – простонал он.

Это было странно. Неужели я все еще в среде? Перебрав в уме последние события, я решил, что это исключено. Значит, он должен быть уже пятничным. Поскольку он до сих пор обгонял меня на день, так должно было быть и сейчас. Я ждал, чтобы он открыл дверь, но, кажется, он ожидал того же от меня. Сила тяжести заметно уменьшилась, я встал и побежал в коридор. Когда я схватил скафандр, он подставил мне ножку и вырвал скафандр у меня из рук, а я во весь рост растянулся на полу.

– Ах ты мерзавец, скотина! – крикнул я. – Надуть самого себя, какая подлость!

Но он, не обращая на меня внимания, молча надевал скафандр. Это было просто наглостью. Вдруг какая-то непонятная сила вышвырнула его из скафандра, в котором, как оказалось, уже кто-то сидел. В первый момент я растерялся, совершенно не понимая, кто кем является.

– Эй, средовый! – закричал тот, в скафандре. – Не пускай четвергового, помоги мне!

Четверговый и в самом деле пытался сорвать с него скафандр.

– Давай скафандр! – рычал четверговый.

– Отвяжись! Чего ты пристал?! Ты что, не понимаешь, он должен быть у меня, а не у тебя?! – отвечал голос из скафандра.

– Интересно, почему?

– Потому, дурень, что я ближе к субботе, чем ты, а в субботу нас будет уже двое в скафандрах!

– Ерунда, – вмешался я, – в лучшем случае в субботу ты будешь в скафандре один как последний идиот и ничего не сможешь сделать. Отдай скафандр мне: если я его сейчас надену, то ты тоже будешь иметь его в пятницу, как пятничный, так же как и я в субботу, как субботний, а значит, в этом случае нас будет двое с двумя скафандрами... Четверговый, помоги!!

– Перестань! – отбивался пятничный, с которого я силой сдирал скафандр. – Во-первых, тебе некого звать, четверговый, минула полночь, и ты сам теперь четверговый, а во-вторых, будет лучше, если я останусь в скафандре, – тебе он все равно ни к чему...

– Почему? Если я его сегодня надену, то он будет на мне и завтра.

– Сам убедишься... Я ведь уже был тобой в четверг, мой четверг уже миновал, я знаю, что говорю...

– Хватит болтать. Пусти сейчас же! – заорал я.

Но он вырвался от меня, и я начал за ним гоняться сначала по камере реактора, а потом мы один за другим ввалились в каюту. Случилось как-то так, что нас осталось только двое. Теперь я понял, почему четверговый сказал, когда мы стояли с инструментами у люка, что пятничный отнял у него скафандр: за это время я сам стал четверговым, и это у меня его забрал пятничный. Но я и не думал сдаваться. «Погоди, я тебе покажу», – подумал я, выбежал в коридор, оттуда в реакторный отсек, где во время погони заметил лежащую на полу тяжелую железную палку, служившую для помешивания в атомном котле. Я схватил ее и, вооружившись таким образом, помчался в каюту. Пятничный был уже в скафандре, только шлема еще не успел надеть.

– Снимай скафандр! – бросил я ему в лицо, сжимая палку.

– И не подумаю.

– Снимай, говорят тебе!!

На мгновение я заколебался, не решаясь его ударить. Меня немного смущало, что у него не было ни синяка под глазом, ни шишек на лбу, как у того

пятничного, обнаруженного мною в ванной, но вдруг сообразил, что именно так и должно быть. Тот пятничный теперь уже наверняка стал субботним, а возможно, даже шатается где-нибудь в районе воскресенья, зато присутствующий здесь пятничный недавно был четверговым, в которого я превратился в полночь, так что по нисходящей кривой петли времени я приближался к месту, где пятничный, еще непобитый, должен был превратиться в побитого пятничного. Но ведь он сказал, что его отделал воскресный, а того пока не было и в помине – в каюте мы находились вдвоем, он и я. Вдруг у меня мелькнула блестящая идея.

– Снимай скафандр! – рявкнул я грозно.

– Четверговым, отцепись! – закричал он.

– Я не четверговым! Я воскресный! – заорал я, бросаясь в атаку.

Он попытался меня лягнуть, но ботинки у скафандра очень тяжелые, и, пока он поднимал ногу, я успел ударить его палкой по голове. Разумеется, не слишком сильно – я уже настолько разбирался во всем этом, чтобы понимать, что, в свою очередь, я сам, став из четвергового пятничным, получу по лбу, а у меня не было никакого желания проламывать самому себе череп. Пятничный упал и, застонав, схватился за голову, а я грубо сорвал с него скафандр. Он, пошатываясь, пошел в ванную, бормоча: «Где вата... где свинцовая примочка...» – а я начал быстро влезать в скафандр, за который мы так боролись, но вдруг заметил торчащую из-под кровати ногу. Встав на колени, я заглянул туда. Под кроватью лежал человек и, стараясь заглушить чавканье, поспешно пожирал последнюю плитку молочного шоколада, которую я оставил в сундучке на черный галактический день; негодяй так спешил, что ел шоколад вместе с кусочками станиоля, поблескивавшими у него на губах.

– Оставь шоколад! – заорал я, дергая его за ногу. – Ты кто такой?

Четверговым?... – спросил я уже тише, охваченный внезапной тревогой: может быть, я становлюсь сейчас пятничным и мне теперь достанутся побои, которыми я сам недавно наградил пятничного?

– Я воскресный, – пробормотал он набитым ртом.

Мне стало не по себе. Либо он врал, и тогда это не имело значения, либо говорил правду, и в таком случае перспектива получения шишек была неминуема: это ведь воскресный поколотил пятничного. Пятничный сам мне об этом сказал, а я потом, прикинувшись воскресным, стукнул его палкой. Но, подумал я, если даже он врет, что он воскресный, то, во всяком случае, возможно, он более поздний, чем я, а раз так – помнит все, что помню я, следовательно, он уже знает, как я обманул пятничного, и потому, в свою очередь, может надуть меня аналогичным образом, – то, что было моей военной хитростью, для него просто воспоминание, которым можно воспользоваться. Пока я раздумывал, как быть, он доел шоколад и вылез из-под кровати.

– Если ты воскресный, где твой скафандр?! – воскликнул я, осененный новой мыслью.

– Сейчас он у меня будет, – сказал он спокойно, и вдруг я заметил в его руке палку... а потом увидел сильную вспышку, словно взорвались десятки сверхновых одновременно, и потерял сознание.

Очнулся я, сидя на полу в ванной, в которую кто-то ломился. Я начал осматривать синяки и шишки, а снаружи все еще стучали в дверь: оказалось, это средовый. Я показал ему мою голову, украшенную шишками, он пошел с четверговым за инструментами, потом началась погоня, драка за скафандр; наконец я как-то пережил и это и субботним утром влез под кровать, чтобы проверить, не завалилась ли в сундучке хоть плитка шоколада. Кто-то потянул меня за ногу, когда я доедал последнюю плитку, найденную под рубашками; это был я, не знаю уж, из какого дня, но на всякий случай я стукнул его палкой по голове, снял с него скафандр и уже собирался одеться, как ракета вошла в новый вихрь.

Когда я пришел в себя, каюта была набита людьми. Передвигаться по ней было почти невозможно. Как оказалось, все они были мною из разных дней, недель, месяцев, а один, кажется, даже из будущего года. Много было побитых, с синяками, а пятеро из присутствующих были в скафандрах. Но вместо того чтобы немедленно выйти наружу и исправить повреждение, они начали спорить, ругаться, торговаться и ссориться. Они выясняли, кто кого побил и когда. Положение осложнялось тем, что уже появились дополуденные и послеполуденные, и я начал опасаться, что, если так пойдет дальше, я раздроблюсь на минутных и секундных и, кроме того, большинство присутствующих ввали без запинки, и я до сих пор не знаю по-настоящему, кого

бил я и кто бил меня, пока вся эта история крутилась в треугольнике четверговый – пятничный – средовый, которыми я был поочередно. По-моему, оттого, что я сам врал пятничному, будто я воскресный, меня поколотили на один раз больше, чем следовало по календарю. Но я предпочитаю даже мысленно не возвращаться к этим неприятным воспоминаниям – человеку, который целую неделю ничего не делал другого, как только лупил самого себя, гордиться особенно нечем.

Тем временем ссоры продолжались. Меня охватывало отчаяние из-за бессмысленной потери времени, а ракета между тем неслась вслепую, то и дело попадая в гравитационные вихри. В конце концов те, что были в скафандрах, подрались с остальными. Я пробовал навести хоть какой-нибудь порядок в этом теперь уже полном хаосе, и наконец после нечеловеческих усилий мне удалось организовать что-то вроде собрания, причем тот, который явился из будущего года, как самый старший, был единодушно избран председателем.

Потом мы выбрали счетную комиссию, согласительную комиссию и редакционную комиссию, а четверым из будущего месяца поручили охрану порядка. Но в промежутке мы успели пройти сквозь отрицательный вихрь, уменьшивший наше количество наполовину, так что при тайном голосовании не оказалось кворума и перед выдвижением кандидатов на ремонт рулей пришлось менять регламент. Карта предвещала приближение к очередным вихрям, которые свели бы на нет достигнутые успехи. И вот началось: то исчезали уже избранные кандидаты, то вновь появлялись вторичный и пятничный с обмотанными полотенцами головами и начинали некрасивые скандалы... После прохода через мощный положительный вихрь мы едва помещались в каюте и коридоре, а о том, чтобы открыть люк, нечего было и думать из-за недостатка места. Хуже всего было, однако, то, что размеры временных сдвигов все увеличивались, появлялись какие-то седоватые личности, а кое-где даже виднелись коротко остриженные мальчишечьи головы; разумеется, всеми этими мальчишками был я сам.

Честно говоря, я не знаю, был ли я все еще воскресным или уже понедельник. Впрочем, это все равно не имело никакого значения. Дети плакали – их придавили в толпе – и звали маму; председатель – Тихий из будущего года – ругался как сапожник, потому что Тихий из среды, который в напрасных поисках шоколада залез под кровать, укусил председателя за ногу, когда тот наступил ему на палец. Я видел, что все это кончится плохо, тем более что там и сям появлялись уже седые бороды. Между сто сорок вторым и сто

сорок третьим вихрями я пустил по рукам анкету, но оказалось, что многие из присутствующих бессовестно лгут. Зачем – одному Богу известно; возможно, царящая на корабле атмосфера помутила их разум. Шум и галдеж были такие, что приходилось кричать. Вдруг какому-то из прошлогодних Ийонов пришла в голову удачная, как всем показалось, идея, чтобы старейший из нас рассказал историю своей жизни; это позволило бы выяснить, кто именно должен исправить рули. Ведь самый старший вмещал в своем опыте опыт всех присутствующих из разных месяцев, дней и лет.

С этой просьбой мы обратились к седовласому старцу, который, слегка трясаясь, стоял у стены. Он начал длинно и подробно рассказывать нам о своих детях и внуках, а потом перешел к космическим путешествиям – за свои, пожалуй, девяносто лет он совершил их несметное количество. Того, которое происходило сейчас и которое нас интересовало, старец не помнил вообще вследствие общего склероза и возбуждения, но он был настолько самонадеян, что никак не хотел в этом признаваться и уходил от ответа, упорно возвращаясь к своим большим связям, орденам и внучатам; мы не выдержали, наорали на него и велели замолчать.

После двух следующих вихрей толпа значительно поредела. После третьего не только стало свободнее, но исчезли и все в скафандрах. Остался только один пустой скафандр. Мы сообща повесили его в коридоре и продолжали заседать. После новой драки за овладение этим столь ценным нарядом ракета вошла в очередной вихрь, и вдруг стало пусто.

Я сидел на полу, со вспухшими глазами, в удивительно просторной каюте, среди разбитой мебели, обрывков одежды и разодранных книг. Пол был засыпан бюллетенями для голосования. Карта сообщила, что я уже прошел всю зону гравитационных вихрей. Потеряв надежду на дубликацию, а значит, и на устранение дефекта, я впал в полное отчаяние.

Выглянув через некоторое время в коридор, я с удивлением увидел, что скафандр исчез. Тогда, как сквозь туман, я вспомнил, что перед последним вихрем двое мальчишек украдкой выскользнули из каюты. Неужели они вдвоем влезли в один скафандр?! Пораженный внезапной мыслью, я бросился к рулям. Они действовали! Значит, ребята исправили повреждение, пока мы увязали в бесплодных спорах. Вероятно, один всунул руки в рукава скафандра, а другой – в штанины; так они могли одновременно держать два ключа по обеим сторонам рулей. Пустой скафандр я нашел в кессоне, за люком. Я внес его в ракету,

словно реликвию, испытывая бесконечную благодарность к тем отважным мальчуганам, которыми я был так давно!

Так кончилось, пожалуй, одно из наиболее удивительных моих приключений. Я благополучно долетел до цели благодаря уму и отваге, проявленным мною в облике двоих детей.

Потом говорили, что эту историю я выдумал, а злопыхатели позволяли себе распространять гнусные сплетни, будто я питаю слабость к алкоголю и, тщательно скрывая это на Земле, предаюсь своему пороку в течение долгих лет космических путешествий. Одному Богу известно, какие еще сплетни распространялись по этому поводу, но таковы уж люди: они охотней верят самой невероятной ерунде, чем подлинным фактам, которые я позволил себе здесь изложить.

Путешествие восьмое

Итак, свершилось. Я стал делегатом Земли в Организации Объединенных Планет, вернее, кандидатом, хотя и это неточно, ведь Генеральной Ассамблее предстояло рассмотреть кандидатуру всего человечества, а не мою.

В жизни я так не волновался. Пересохший язык деревяшкой стучал о зубы, а когда я шел по расстеленной от астробуса красной дорожке, то не мог понять, она ли так мягко пружинит подо мной или подгибаются мои колени. Следовало быть готовым к выступлению, а я слова не вымолвил бы через спекшееся от волнения горло; поэтому, заметив большой автомат с хромированной стойкой и прорезью для монет, я поспешно бросил туда медяк и поставил под кран предусмотрительно захваченный с собой стаканчик от термоса. Это был первый в истории человечества межпланетный дипломатический инцидент: мнимый автомат с газировкой оказался заместителем председателя тарраканской делегации в парадной форме. К счастью, именно тарракане взяли представить нашу кандидатуру на сессии, чего я, однако, еще не знал, а то, что этот высокопоставленный дипломат заплевал мне ботинки, счел дурным знаком, и совершенно напрасно: то были всего лишь ароматные выделения

приветственных желез. Я сразу все понял, приняв информационно-переводческую таблетку, любезно предложенную мне одним из сотрудников ООП; звучащее вокруг дребезжанье тотчас же превратилось в совершенно понятную речь, каре из алюминиевых кеглей на конце мягкой ковровой дорожки обернулось ротой почетного караула, встретивший меня тарраканин, прежде походивший на громадный рулет, показался старым знакомым, а его наружность – самой обычной. Только волнение не отпускало меня. Подъехал небольшой самовоз, специально переоборудованный для перевозки двуногих существ вроде меня, я сел, а тарраканин, втиснувшись туда с немалым трудом и усаживаясь одновременно справа и слева от меня, сказал:

– Уважаемый землянин, должен извиниться за маленькую организационную неполадку; к сожалению, председатель нашей делегации, который, в качестве специалиста-землиста, мог бы лучше всего представить вашу кандидатуру, вчера вечером был отозван в столицу, так что мне придется его заменить. Надеюсь, дипломатический протокол вам знаком?..

– Нет... у меня не было случая... – пробормотал я, безуспешно пытаюсь устроиться в кресле этого экипажа, все-таки не вполне приспособленного для человеческого тела. Сиденье напоминало почти полуметровую квадратную яму, и на выбоинах колени врезались в лоб.

– Ладно, как-нибудь справимся... – сказал тарраканин. Его одеяние с хорошо проглаженными, гранеными, металлически поблескивающими складками (недаром я принял его за буфетную стойку) чуть звякнуло, а он, откашлявшись, продолжал: – Историю вашу я знаю; человечество, ах, это просто великолепно! Конечно, знать все – моя прямая обязанность. Наша делегация выступит по восемьдесят третьему пункту повестки дня – о принятии вас в состав Ассамблеи в качестве ее действительных, полных и всесторонних членов... а верительные грамоты вы, случаем, не потеряли?! – спросил он так внезапно, что я вздрогнул и усиленно замотал головой.

Этот пергаментный рулон, уже слегка размякший от пота, я стискивал в правой руке.

– Хорошо, – сказал он. – Итак, я выступлю с речью – не так ли? – обрисую блестящие достижения, дающие вам право занять место в Астральной Федерации... вам понятно, конечно, это всего лишь архаическая формальность, вы ведь не ожидаете оппонирующих выступлений... а?

– Н-нет... не думаю... – пробормотал я.

– Ну конечно! Да и с чего бы? Итак, простая формальность, не так ли, и все же не помешали бы кое-какие данные. Факты, подробности, вы понимаете? Атомной энергией вы, конечно, уже овладели?

– О да! Да! – с готовностью подтвердил я.

– Отлично. Ага, и верно, у меня это есть, председатель оставил мне свои заметки, но его почерк... гм... итак, как давно вы овладели этой энергией?

– Шестого августа 1945 года!

– Превосходно. Что это было? Атомная электростанция?

– Нет, – ответил я, чувствуя, что краснею. – Атомная бомба. Она уничтожила Хиросиму...

– Хиросиму? Это что, астероид?

– Нет... город.

– Город?... – переспросил он с легкой тревогой. – Тогда, как бы это сказать... Лучше ничего не говорить! – вдруг решил он. – Да, но какие-то основания для похвал все же необходимы. Подскажите-ка что-нибудь, только быстрее, мы уже подъезжаем.

– Э-э... космические полеты... – начал я.

– Это само собой, иначе бы вас тут не было, – пояснил он, пожалуй, слишком бесцеремонно, как мне показалось. – На что вы тратите основную часть национального дохода? Ну, вспомните – какие-нибудь крупные инженерные проекты, архитектура космического масштаба, пусковые гравитационно-солнечные установки, ну? – быстро подсказывал он.

– Да-да, строится... кое-что строится, – подтвердил я. – Национальный доход не слишком велик, много уходит на арми...

– Армирование? Чего, континентов? Против землетрясений?

– Нет... на армию...

– Что это? Хобби?

– Не хобби... внутренние конфликты... – лепетал я.

– Это никакая не рекомендация! – заявил он с явным неудовольствием. – Не из пещеры же вы сюда прилетели! Ваши ученые давно должны были рассчитать, что общепланетное сотрудничество безусловно выгоднее борьбы за добычу и гегемонию!

– Рассчитали, рассчитали, но есть причины... исторические причины, знаете ли...

– Не будем об этом! – перебил он. – Ведь я тут не для того, чтобы защищать вас как обвиняемых, но чтобы рекомендовать вас, аттестовать, подчеркивать ваши достоинства и заслуги. Вам понятно?

– Понятно.

Язык у меня онемел, словно замороженный, воротничок фракной рубашки был тесен, пластрон размяк от пота, лившего с меня ручьем, верительные грамоты зацепились об ордена, и верхний лист надорвался. Тарраканин – вид у него был нетерпеливый, а вместе с тем высокомерно-пренебрежительный и как бы отсутствующий – заговорил неожиданно спокойно и мягко (сразу было видно матерого дипломата!):

– Лучше я расскажу о вашей культуре. О ее выдающихся достижениях. Культура-то у вас есть?! – резко спросил он.

– Есть! И превосходнейшая! – заверил я.

– Вот и хорошо. Искусство?

– О да! Музыка, поэзия, архитектура...

– Ага, архитектура все же имеется! Отлично. Это я запишу. Взрывные средства?

– Как это – взрывные?

– Ну, созидательные взрывы, управляемые, для регулирования климата, перемещения континентов или же рек, – есть у вас?

– Пока только бомбы... – сказал я и уже шепотом добавил: – Зато самые разные – с напалмом, фосфором, даже с отравляющим газом...

– Это не то, – сухо заметил он. – Будем держаться духовной жизни. Во что вы верите?

Этот тарраканин, которому предстояло рекомендовать нас, не был, как я уже догадался, сведущ в земных делах, и при мысли о том, что от выступления существа столь невежественного зависит, быть или не быть нам на галактическом форуме, у меня, по правде сказать, перехватило дыхание. Вот невезенье, думал я, и надо же было как раз сейчас отозвать настоящего специалиста-землиста!

– Мы верим во всеобщее братство, в превосходство мира и сотрудничества над ненавистью и войнами, считаем, что мерой всех вещей должен быть человек...

Он положил тяжелый присосок мне на колено.

– Ну, почему же именно человек? Впрочем, оставим это. Ваш перечень состоит из одних отрицаний – отсутствие войн, отсутствие ненависти... Ради Галактики! У вас что, нет никаких положительных идеалов?

Мне было невыносимо душно.

– Мы верим в прогресс, в лучшее будущее, в могущество науки...

– Ну, наконец-то! – воскликнул он. – Так, наука... это хорошо, это мне пригодится. На какие науки вы расходуете больше всего?

– На физику, – ответил я. – Исследования в области атомной энергии.

– Это я уже слышал. Знаете что? Вы только молчите. Я сам этим займусь. Выступлю, и все такое. Положитесь во всем на меня. Ну, в добрый час!

Машина остановилась у здания. Голова у меня кружилась, перед глазами плыло; меня вели хрустальными коридорами, какие-то невидимые преграды раздвигались с мелодическим вздохом, я мчался вниз, вверх и опять вниз, тарраканин стоял рядом, огромный, молчаливый, в складках металла; вдруг все замерло; стекловидный пузырь раздулся передо мной и лопнул. Я стоял на нижнем ярусе зала Генеральной Ассамблеи. Девственно белый амфитеатр, отливая серебром, расширялся воронкой и уходил вверх полукружьями скамей; далекие, крошечные фигурки делегатов расцветивали белизну спиральных рядов изумрудом, золотом, пурпуром, вспыхивали мириадами таинственных искр. Я не сразу смог отличить глаза от орденов, конечности от их искусственных продолжений, я видел только, что они оживленно жестикулируют, пододвигают к себе кипы документов, разложенных на белоснежных пюпитрах, и еще – какие-то черные, сверкающие как антрацит таблички; а напротив меня, в нескольких десятках шагов, обнесенный справа и слева стенами электрических машин, восседал на возвышении перед целой рощицей микрофонов председатель. В воздухе носились обрывки бесед на тысяче языков сразу, и диапазон этих звездных наречий простирался от самых низких басов до птичьего щебета. С таким чувством, словно пол подо мною проваливается, я одернул свой фрак. Раздался протяжный, нескончаемый звук – это председатель включил машину, которая молотком ударила по пластине из чистого золота. Металлическая вибрация ввинтилась в самые уши. Тарраканин, возвышаясь надо мной, показал мне наши места, голос председателя поплыл из невидимых мегафонов, а я, прежде чем сесть перед табличкой с названием родной планеты, обвел глазами ряды, все выше и выше, в поисках хотя бы одной братской души, хоть одного человекообразного существа, – впустую. Огромные клубни приятных, теплых тонов; завитушки какого-то смородинового желе; мясистые плодоножки, опершиеся на пюпитры; обличья темно-коричневые, как хорошо заправленный паштет, или светлые, как рисовая запеканка; присоски, прищупки, вцеплялки, держащие судьбы звезд, ближних и дальних, проплывали передо мной словно в замедленной съемке, в них не было ничего кошмарного, ничего вызывающего отвращение, вопреки всему, что думали мы на Земле,

словно это были не звездные чудища, а творения ваятеля-абстракциониста или кулинара с буйной фантазией...

– Пункт восемьдесят второй, – прошипел мне на ухо тарраканин и сел.

Сел и я. Надел наушники, лежавшие на пюпитре, и услышал:

– Как отмечается в протоколе специальной подкомиссии ООП, устройства, которые, согласно договору, ратифицированному этим высоким собранием, были поставлены, с точным соблюдением всех пунктов означенного договора, Альтаирским Содружеством Шестерному Объединению Фомальгаута, проявляют свойства, не могущие быть результатом незначительных отклонений от технологических требований, апробированных высокими договаривающимися сторонами. Хотя, как справедливо отметило Альтаирское Содружество, договором о платежах между обеими высокими договаривающимися сторонами нами предусматривалось, что произведенные Альтаиром просеиватели излучения и планеторедукторы будут наделены способностью к воспроизводству машинного потомства, однако означенная потенция должна была проявляться, сообразно принятой во всей Федерации инженерной этике, в виде сингулярного почкования, без использования для этой цели программ с противоположными знаками, что, к сожалению, как раз и произошло. Такая полярность программ привела к нарастанию любово-страстных антагонизмов в главных энергетических блоках Фомальгаута, что, в свою очередь, стало причиной оскорбляющих общественную нравственность сцен и крупных материальных убытков. Изготовленные поставщиком агрегаты, вместо того чтобы целиком отдаваться труду, для которого они предназначены, часть рабочего времени отводили на процедуры размножения, причем их неустанная беготня со штепселями, имеющая целью акт воспроизводства, повлекла за собой нарушение Панундских Статутов и вызвала к жизни феномен машинографического пика, причем вина за оба эти достойных сожаления факта лежит на ответчике. В силу вышеизложенного настоящим постановлением задолженность Фомальгаута аннулируется.

Я снял наушники – голова разболелась вконец. Черт бы побрал машинное оскорбление общественной нравственности, Альтаир, Фомальгаут и все остальное! Я был по горло сыт ООП, еще не став ее членом. Мне сделалось нехорошо. Зачем я послушался профессора Тарантогу? Зачем я принял эту ужасную должность, вынуждающую меня сгорать со стыда за чужие грехи? Не лучше ли было бы...

Меня как будто прошло током – на огромном табло загорелись цифры 83, и тут же я почувствовал энергичный рывок. Это мой тарраканин, вскочив на присоски, а может, щупальца, потянул меня за собой. Юпитеры, плавающие под сводами зала, обрушили на нас поток голубого света, лучистое сияние, казалось, просвечивало меня насквозь. Я машинально сжимал в руке уже совершенно размякший рулон верительных грамот; чуть ли не в самом ухе раздавался мощный бас тарраканина, гремевшего с воодушевлением и непринужденностью на весь амфитеатр, но слова доходили до меня урывками, как брызги шторма до смельчака, склонившегося над волнорезом.

– ...Изумительная Зимья (он даже не мог как следует выговорить название моей родины!)... великолепное человечество... прибывший сюда его выдающийся представитель... изящные, миловидные млекопитающие... атомная энергия, с редкостной виртуозностью освобожденная их верхними лапками... молодая, динамичная, одухотворенная культура... глубокая вера в плюцимолию, хотя и не лишенная амфибрунтов (он явно путал нас с кем-то)... преданные делу единства космонаций... в надежде, что принятие их в ряды... завершая период эмбрионального социального прозябания... одинокие, затерянные на своей галактической периферии... выросли смело и самостоятельно, и достойны...

«Пока что, несмотря ни на что, неплохо, – подумал я. – Он нас хвалит, все как будто в порядке... но что это?»

– Конечно, их парность... их жесткий каркас... следует, однако, понять... в этом Высоком Собрании имеют право на представительство даже отклонения от нормы... никакая аберрация не позорна... тяжелые условия, сформировавшие их... водянистость, даже соленая, не может, не должна стать помехой... с нашей помощью они когда-нибудь изживут свой кошмар... свой нынешний облик, который это Высокое Собрание, со свойственным ему великодушием, оставит без внимания... поэтому от имени тарраканской делегации и Союза Звезд Бетельгейзе вношу предложение о принятии человечества с планеты Зумья в ряды ООП и предоставлении присутствующему здесь благородному зумьянину полных прав делегата, аккредитованного при Организации Объединенных Планет. Я кончил.

Раздался оглушительный шум, прерываемый загадочными посвистываниями; рукоплесканий не было, да и не могло быть за отсутствием рук; удар гонга оборвал этот гомон, и я услышал голос председателя:

– Желает ли какая-либо из высоких делегаций выступить по вопросу о кандидатуре человечества с планеты Зимья?

Тарраканин, сияющий и, как видно, весьма довольный собой, увлек меня на скамью. Я сел, глухо бормоча слова благодарности, и тут же два бледно-зеленых луча выстрелили из разных точек амфитеатра.

– Слово имеет представитель Тубана! – произнес председатель.

Что-то встало.

– Высокий Совет! – услышал я далекий, пронзительный голос, похожий на скрежет разрезаемой жести; но вскоре я перестал замечать его тембр. – Из уст пульпитора Воретекса мы слышали теплый отзыв о доселе неизвестном Собранию племени с далекой планеты. Весьма сожалею, что внезапный отъезд сульпитора Экстревора не позволил нам полней ознакомиться с историей, обычаями и природой этого племени, в судьбе которого Тарракания принимает столь живое участие. Не будучи специалистом по космической монстрологии, я все же в меру своих скромных сил попытаюсь дополнить то, что мы имели удовольствие услышать. Прежде всего отмечу, просто ради порядка, что родная планета так называемого человечества зовется не Зимьей, Зумьей или Зымьей, как – разумеется, не по незнанию, а лишь в ораторском задоре и угаре, – говорил мой почтенный коллега. Это, конечно, малосущественная подробность. Однако и термин «человечество», принятый им, взят из языка племени Земли (именно так звучит настоящее название этой заброшенной, провинциальной планеты), тогда как наша наука определяет землян несколько по-иному. Надеюсь, что не утомлю это Высокое Собрание, зачитав полное наименование и классификацию вида, членство которого в ООП мы рассматриваем; я воспользуюсь трудом выдающихся специалистов, а именно: «Галактической монстрологией» Граммплюсса и Гзеемса.

Он раскрыл перед собой огромную книжищу там, где была закладка.

– «В соответствии с общепринятой систематикой, встречающиеся в нашей Галактике аномальные формы составляют тип *Aberrantia* (извращенцы), который делится на подтипы: *Debilitales* (кретиноиды) и *Antisapientinales* (противоразумники). К этому последнему подтипу относятся классы *Canaliacaеа* (мерзантропы) и *Necroludentia* (трупоглумы). Среди трупоглумов, в свою очередь,

различается отряд Patricidiaceae (отцегубы), Matrphagideae (мамоеды) и Lasciviaceae (омерзенцы, или блуднецы). Омерзенцы, формы уже крайне выродившиеся, подразделяются на Cretininae (тупонцы, в частности, Cadaverium Mordans, или трупогрыз-межеумок) и Horrorissimae (квазиморды, классическим представителем которых может служить обалдон-выпрямленец, Idiontus Erectus Gzeemsi). Некоторые из квазиморд образуют собственные квазикультуры; сюда относятся, в частности, такие виды, как Anophilus Belligerens, или задолюб-кромешник, именующий себя Genius Pulcherrimus Mundanus – красивец-гениалец вселенчатый, а также редкостный экземпляр с почти лысым телом, наблюдавшийся Грамплюссом в самом темном закоулке нашей Галактики, – Monstroteratum Furiosum (тошняк-полоумник), называющий себя Homo Sapiens.

Зал загудел. Председатель привел в действие молоточную машину.

– Ну, держитесь! – прошипел мне тарраканин.

Я не видел его, то ли из-за блеска юпитеров, то ли из-за пота, застывшего глаза. Слабая надежда затеплилась во мне, когда кто-то потребовал слова для справки; представившись членом делегации Водолея, астрозоологом, оратор принялся возражать тубанцу – увы, лишь постольку, поскольку, будучи сторонником школы профессора Гагранапса, считал предложенную классификацию неточной; он, вслед за своим учителем, выделял особый отряд Degeneratores, к которому принадлежат пережраки, недожраки, трупощипы и мертвомилы; определение «Monstroteratus» применительно к человеку он считал неверным; дескать, следовало предпочесть терминологию водолейской школы, которая последовательно использует термин суппогад чудоюдный (Artefactum Abhorrens). После краткого обмена мнениями тубанец продолжил:

– Многоуважаемый представитель Тарракании, рекомендуя нам кандидатуру так называемого человека разумного, или, если быть точным, полоумника чудоюдного, типичного представителя трупомиллов, не решился употребить слово «белок», как видно, считая его непристойным. Бесспорно, оно пробуждает ассоциации, распространяться о которых не позволяет приличие. Правда, ДАЖЕ такой телесный материал – факт сам по себе не позорный. (Возгласы: «Слушайте! Слушайте!») Не в белке дело! И не в назывании себя человеком разумным, пусть даже в действительности ты всего лишь трупомил-недоумок. Это, в конце концов, слабость, которую можно объяснить – хотя и не извинить – самолюбием. Не в этом, однако, дело, Высокий Совет!

Мое сознание отключалось, словно у обморочного, выхватывая лишь обрывки речи.

– Даже плотоядность не может вменяться в вину, раз уж она возникла в ходе естественной эволюции! Но различия между так называемым человеком и его сородичами-животными почти совершенно отсутствуют! И подобно тому как БОЛЕЕ ВЫСОКИЙ рост еще не дает права пожирать тех, кто ростом ПОНИЖЕ, так и несколько БОЛЕЕ ВЫСОКИЙ разум отнюдь не дает права ни убивать, ни пожирать тех, кто ЧУТЬ НИЖЕ умственно, а если уж кто-то иначе не может (возгласы: «Может! Может! Пускай ест шпинат!»), если он, повторяю, НЕ МОЖЕТ иначе, по причине трагического наследственного увечья, то пусть бы уж поглощал свои окровавленные жертвы в тревоге и в тайне, забившись подальше в норы и самые темные закоулки пещер, терзаясь угрызениями совести и надеясь когда-нибудь избавиться от бремени непрестанных убийств. Увы, не так поступает тошняка-полоумник! Он над бренными останками глумится, он их режет, кромсает, полосует, поджаривает и лишь потом поглощает в публичных кормилицах и пожиральнях, глядя на пляски обнаженных самок своего вида и тем самым разжигая в себе аппетит на мертвечину; а мысль о том, чтобы покончить с этим галактически нестерпимым положением дел, даже не приходит в его полужидкую голову! Напротив, он насочинял для себя множество высших резонов, которые, размещаясь между его желудком, этой гробницей бесчисленных жертв, и бесконечностью, позволяют ему убивать с высоко поднятой головой. Больше я не буду говорить о занятиях и нравах так называемого человека разумного, дабы не отнимать у Высокого Собрания драгоценное время. Среди его предков один подавал кое-какие надежды. Я говорю о *homo neanderthalensis*, человеку неандертальском. От человека теперешнего он отличался большим объемом черепа, а значит, и большим мозгом, то есть разумом. Собиратель грибов, склонный к медитации, любитель искусств, добродушный, спокойный, он, несомненно, заслуживал бы того, чтобы его членство сегодня рассматривалось в этой Высокой Организации. Увы, его уже нет в живых. Может быть, делегат Земли будет столь любезен и скажет нам, что случилось с неандертальцем, таким культурным и симпатичным? Он молчит... Что ж, я скажу за него: неандерталец был начисто истреблен, стерт с лица Земли так называемым *homo sapiens*. А земные ученые, как будто им мало было позора братоубийства, принялись очернять убиенного, объявив носителями высшего разума себя, а не его, большемозгого! И вот среди нас, в этом почтенном зале, в этих величественных стенах, мы видим представителя трупоедов, искусного в изобретении кровавых забав, многоопытного конструктора средств истребления, вид которого вызывает смех и ужас, которые мы едва способны сдержать; там, на девственно белой доселе скамье, мы видим

существо, не обладающее даже отвагой обычного уголовника, ибо свою карьеру, отмеченную следами убийств, он маскирует все новыми красивыми наименованиями, истинное, страшное значение которых ясно любому беспристрастному исследователю звездных рас. Да, да. Высокий Совет...

Хотя из его двухчасовой речи я улавливал лишь разрозненные обрывки, этого хватало с лихвой. Тубанец рисовал образ чудовищ, купающихся в крови, и делал это не торопясь, методично, поминутно раскрывая разложенные на пюпитре ученые книги, анналы, хроники, а потом с грохотом бросая их на пол, словно охваченный внезапной гадливостью, словно даже сами страницы, повествующие о нас, были запачканы кровью жертв. Затем он взялся за историю уже цивилизованного человека; рассказывал о резнях, избиениях, войнах, крестовых походах, массовых человекоубийствах, демонстрировал с помощью цветных таблиц и эпидиаскопа технологию преступлений, древние и средневековые пытки; а когда дошел до новейшего времени, шестнадцать служителей подкатили к нему на прогибавшихся тележках кипы нового фактографического материала; тем временем другие служители, вернее, санитары ООП оказывали с небольших вертолетиков первую медицинскую помощь теряющим сознание слушателям, обходя лишь меня одного, в простодушной уверенности, что уж мне-то потоп кровавых известий о нашей культуре нисколько не повредит. И все же где-то на середине этой речи я, словно впадая в безумие, начал бояться себя самого, как если бы среди окружавших меня уродливых, странных существ я был единственным монстром. Казалось, эта грозная прокурорская речь не кончится вовсе, но наконец до меня донеслись слова:

– А теперь пусть Высокое Собрание голосует по вопросу о предложении тарраканской делегации!

Зал застыл в гробовом молчании. Вдруг что-то звякнуло рядом со мной. Это встал тарраканин, решив отразить хотя бы некоторые обвинения... несчастный! Он погубил меня совершенно, пытаясь заверить собрание, что человечество чтит неандертальцев как своих достойнейших предков, вымерших без всякой посторонней помощи; но тубанец уничтожил его всего лишь одним лобовым вопросом: эпитет «неандерталец» у землян – похвала или оскорбление?

Все кончено, проиграно, думал я, и теперь я поплетусь обратно на Землю, словно прогнанная из будки собака, у которой из пасти вытащили задушенную птицу; но среди слабого шороха зала раздался голос председателя, наклонившегося к микрофону:

– Слово имеет представитель эриданской делегации.

Эриданин был маленький, круглый и серебристо-сизый, как клубок тумана под косыми лучами зимнего солнца.

– Я хотел бы узнать, – начал он, – кто будет платить вступительный взнос землян? Они сами? Ведь сумма немалая – биллион тонн платины не всякий плательщик осилит!

Амфитеатр наполнился сердитым гулом.

– Вопрос этот будет уместен лишь в случае положительного исхода голосования! – чуть помедлив, сказал председатель.

– С позволения Вашей Галактичности, я осмеливаюсь думать иначе, – возразил эриданин, – и поэтому свой вопрос дополню рядом замечаний, на мой взгляд весьма существенных. Вот здесь передо мной труд прославленного дорадского планетографа, гипердоктора Враграса. Цитирую: «Планеты, на которых жизнь самопроизвольно зародиться не может, обладают следующими особенностями: а) катастрофические изменения климата в быстром попеременном ритме (так называемый цикл „зима-весна-лето-осень“), а также еще более смертоносные долгопериодические перепады температур (ледниковые периоды); б) наличие крупных собственных лун – их приливные влияния также губительны для всего живого; в) частопериодическая пятнистость центральной, или материнской, звезды – эти пятна служат источником вредоносного излучения; г) преобладание поверхности воды над поверхностью суши; д) устойчивое околополюсное обледенение; е) наличие осадков текучей или отвердевшей воды...» Как видим, отсюда...

– Прошу слова по процедурному вопросу! – вскочил тарраканин, в котором, кажется, вновь пробудилась надежда. – Как намерена голосовать делегация Эридана – «за» или «против» нашего предложения?

– Мы будем голосовать «за», с поправкой, которую я изложу Высокому Собранию, – ответил эриданин и продолжал: – Высокочтимый Совет! На девятьсот восемнадцатой сессии Генеральной Ассамблеи мы рассматривали вопрос о членстве расы блуднецов задоглавых, именовавших себя «вечностными

совершенцами», хотя телесно они столь непрочны, что за время упомянутой сессии состав блуднецкой делегации менялся пятнадцать раз, между тем как сессия продолжалась не более восьмисот лет. Излагая биографию своей расы, эти несчастные путались в противоречиях, уверяя наше Собрание столь же клятвенно, сколь голословно, что создал их некий Совершенный Творец по своему собственному изумительному подобию, в силу чего они, среди прочего, бессмертны духом. Поскольку из других источников стало известно, что их планета соответствует бионегативным условиям гипердоктора Враграса, Генеральная Ассамблея учредила особую Следственную Подкомиссию, а та установила, что данная противоразумная раса возникла не вследствие безобразного каприза Природы, но в результате достойного сожаления инцидента, вызванного третьими лицами.

(«Да что это он говорит?! Молчать! Убери свой присосок, блуднец!» – все громче звучало в зале.)

– На основе отчета Следственной Подкомиссии, – продолжал эриданин, – очередная сессия Генеральной Ассамблеи приняла поправку к статье второй Хартии Объединенных Планет, которую я позволю себе зачитать (он развернул длинный пергаментный свиток): «Настоящим устанавливается категорический запрет жизнетворительной деятельности на всех без исключения планетах типа А, Б, В, Г и Д по классификации Враграса; руководству исследовательских экспедиций и командирам кораблей, которые совершают посадку на этих планетах, вменяется в обязанность неукоснительное соблюдение вышеозначенного запрета. Он распространяется не только на умышленные жизнетворительные процедуры, такие, как рассеивание бактерий, водорослей и тому подобное, но и на неумышленное зачатие биоэволюции, будь то по халатности или по недосмотру. Эта противозачаточная профилактика диктуется доброй волей и глубокой осведомленностью ООП, которая отдает себе отчет в следующем. Во-первых, вредоносная среда, в которую заносятся извне зародыши жизни, порождает эволюционные извращения и уродства, абсолютно чуждые природному биогенезу. Во-вторых, в вышеназванных обстоятельствах возникают виды, не только телесно ущербные, но и носящие признаки духовного вырождения в самых его тяжелых формах; если же в подобных условиях выведутся существа хоть немного разумные, а это порою случается, их жизнь отравлена душевными муками. Достигнув первой ступени сознания, они начинают искать вокруг себя причину своего возникновения и, не находя таковой, увлекаются химерами верований, возникающих из отчаяния и разлада. А так как им чужд нормальный ход эволюционных процессов в Космосе, то свою телесность (сколь бы она ни была уродлива), а также свой способ

недомышления они объявляют типичными, нормальными для целой Вселенной. На основании вышеизложенного и имея в виду благоденствие и достоинство жизни вообще, а разумных существ в особенности, Генеральная Ассамблея постановляет, что нарушение вводимой отныне в действие противозачаточной статьи Хартии ОП преследуется по закону в порядке, установленном Кодексом Межпланетного Права».

Эриданин, отложив Хартию ОП, поднял увесистый том Кодекса, который вложили ему в щупальца сноровистые помощники, и, открыв эту громадную книгу в нужном месте, громко начал читать:

– «Том второй Межпланетного Уголовного Кодекса, раздел восьмидесятый: „О планетарном беспутстве“.

Статья 212: Оплодотворение планеты, по природе бесплодной, карается зазвездением на срок от ста до тысячи пятисот лет, помимо гражданской ответственности за моральный и материальный ущерб.

Статья 213: Те же действия, совершенные с особым цинизмом, а именно: преднамеренные развратные манипуляции, повлекшие за собой зарождение особенно извращенных форм жизни, возбуждающих всеобщий ужас или всеобщее омерзение, караются зазвездением на срок до тысячи пятисот лет.

Статья 214: Оплодотворение бесплодной планеты по халатности, рассеянности или вследствие неприменения противозачаточных средств карается зазвездением на срок до четырехсот лет; в случае неполной вменяемости виновного наказание может быть снижено до ста лет».

– Я умалчиваю, – добавил эриданин, – о наказаниях за вмешательство в эволюционный процесс *in statu nascendi*[10 - В состоянии становления (лат.)], поскольку это не относится к нашей теме. Отмечу, однако, что Кодекс предусматривает материальную ответственность виновных по отношению к жертвам планетарного неупотребства; соответствующие статьи Гражданского Кодекса не буду зачитывать, чтобы не утомлять Собрание. Добавлю еще, что в каталоге небесных тел, признанных абсолютно бесплодными – согласно классификации гипердоктора Враграса, положениям Хартии Объединенных Планет и статьям Межпланетного Уголовного Кодекса, – на странице две тысячи шестьсот восемнадцатой, строка восьмая снизу, фигурируют следующие

объекты: Зезмая, Зембелия, Земля и Зизма...

Челюсть у меня отвисла, верительные грамоты выпали из рук, в глазах потемнело. «Слушайте! – кричали в зале. – Слушайте! В кого он метит?! Долой! Да здравствует!» Сам же я, насколько это было возможно, пытался залезть под пюпитр.

– Высокий Совет! – загремел представитель Эридана, со стуком швыряя оземь тома Межпланетного Кодекса (похоже, это был излюбленный в ООП ораторский прием). – Позор нарушителям Хартии Объединенных Планет! Позор безответственным элементам, зачинающим жизнь в условиях, ее недостойных! Вот приходят к нам существа, не сознающие ни мерзости своего бытия, ни его причин! Вот они стучатся в почтенные двери этого достойнейшего Собрания, и что же мы можем ответить им, всем этим блуднецам, сурроганам, тошнякам, мамоедам, трупоидам, тупонцам, заламывающим свои псевдоручки и падающим со своих псевдоножек при известии, что они относятся к псевдотипу «лжетвари», что их Совершенным Творцом был случайный матрос, выплеснувший на скалы мертвой планеты ведро перебродивших помоев, ради забавы наделив эти жалкие зародыши свойствами, которые сделают их посмешищем целой Галактики! И как потом защищаться этим горемыкам, если какой-нибудь Катон заклеит их позором за гнусную белковую левовращательность! (Зал бушевал, машина напрасно молотила своим молотком, вокруг гудело: «Позор! Долой! Зазвездить! О ком он? Гляньте-ка, а землянин-то растворяется, тошняка уже весь потек!»)

Действительно, меня бросило в пот. Эриданин, зычным басом перекрывая общий гомон, кричал:

– А теперь – несколько последних вопросов достопочтенной тарраканской делегации! Верно ли, что в свое время на мертвой тогда планете Земля опустился под вашим флагом корабль, на котором из-за аварии холодильников часть припасов протухла? Верно ли, что на этом корабле находились двое космушников-пустопроходцев, впоследствии вычеркнутых из всех реестров за беззастенчивые махинации с болотной ряской, и что этих прохвостов, этих млечных путаников звали Оспод и Погг? Верно ли, что Оспод и Погг, не ограничиваясь обычным загрязнением беззащитной, пустынной планеты, решили, по пьяному делу, учинить на ней, самым бесстыдным и возмутительным образом, биологическую эволюцию, какой еще свет не видывал? Верно ли, что оба эти тарраканина цинично и злонамеренно вступили в сговор с целью

устроить из Земли питомник курьезов галактического масштаба, космический зверинец, паноптикум, кунсткамеру кошмарных диковин, живые экспонаты которой станут посмешищем в самых отдаленных Туманностях?! Верно ли, что эти безобразники, лишенные всякого чувства приличия и нравственных тормозов, вылили на скалы безжизненной Земли шесть бочек заплесневелого желатинового клея и два ведра испорченной альбуминовой пасты, подсыпали туда забродившей рыбозы, пентозы и левуллозы и, словно им мало было всех этих гадостей, добавили три больших бидона с раствором прокисших аминокислот, а получившееся месиво взболтали угольной лопатой, скособоченной влево, и кочергой, скрученной в ту же сторону, в результате чего белки всех будущих земных существ стали ЛЕВОВращающими?! Верно ли, что Погг, страдавший от сильного насморка и подстрекаемый Осподом, еле стоящим на ногах от чрезмерного употребления спиртных напитков, умышленно начихал в плазменный зародыш и, заразив его вредоносными вирусами, гоготал, что, дескать, вдохнул «нечистый дух» в несчастную эволюционную закваску?! Верно ли, что эта левовращательность и эта вредоносность перешли затем в тела земных организмов и пребывают в них по сей день, причиняя массу страданий безвинным представителям расы суррогатов, которые присвоили себе имя «человека разумного» лишь по простецкой наивности? И наконец, верно ли, что тарракане должны заплатить за землян не только вступительный взнос в размере биллиона тонн платины, но и КОСМИЧЕСКИЕ АЛИМЕНТЫ несчастным жертвам планетарного непотребства?!

При этих его словах в амфитеатре начался сущий бедлам. Я втянул голову в плечи: по залу во всех направлениях летали папки с документами, тома Межпланетного Кодекса и даже вещественные доказательства – насквозь проржавевшие бидоны, бочки и кочерги, неведомо откуда взявшиеся; должно быть, хитроумные эридане, будучи не в ладах с Тарраканией, с незапамятных времен вели на Земле археологические раскопки, собирая улики и складировав их на летающих тарелках; но раздумывать об этом было некогда – зал ходил ходуном, в глазах рябило от щупальцев и присосков, мой тарраканин в каком-то угаре сорвался с места и что-то кричал, заглушаемый общим шумом, а я словно ушел на самое дно этого водоворота, и моя последняя мысль была о предумышленном чихе, который зачал нас.

Вдруг кто-то больно вцепился мне в волосы. Я вскрикнул. Это тарраканин, пытаюсь продемонстрировать, как добротен я сработан земной эволюцией и насколько я не похож на случайное существо, наспех слепленное из всякой гнили, ухватил меня и принялся долбать по макушке своим огромным, тяжелым присоском... Я отбивался все слабей и слабей, теряя дыхание, чувствуя, что

жизнь из меня уходит, еще раз-другой взбрыкнул в агонии – и упал на подушки. Еще не очнувшись, сразу вскочил. Я сидел на кровати. Ощупал голову, шею, грудь – и убедился, что все пережитое было только кошмарным сном. Я облегченно вздохнул, но потом меня начали мучить сомнения. Я сказал себе: «Страшен сон, да милостив Бог!» – но и это не помогло. В конце концов, чтобы развеять мрачные мысли, я отправился к тетке на Луну. Но вряд ли восьмиминутную поездку на планетобусе, который останавливается у моего дома, можно назвать восьмым звездным путешествием – уж скорее, этого имени заслуживает предпринятая во сне экспедиция, в которой я так настрадался за человечество.

Путешествие одиннадцатое

День начался с неприятностей. Беспорядок, царивший в доме с тех пор, как я отдал слугу в ремонт, донимал меня все сильнее. Ничего нельзя было найти. В коллекции метеоритов завелись мыши. Изгрызли самый красивый хондрит. Когда я варил кофе, молоко убежало. Этот электрический олух задевал куда-то тряпки и носовые платки. Надо было отдать его в починку еще тогда, когда он начал чистить мои ботинки изнутри. Пришлось вместо тряпки взять старый парашют; я пошел наверх, протер метеориты и поставил мышеловку. Всю коллекцию я собрал сам. Это не особенно трудно – надо только подойти к метеориту сзади и прихлопнуть его сачком. Тут я вспомнил о гренках и побежал вниз. Ну конечно – сгорели дочерна. Я выбросил их в раковину. Та сразу же засорилась. Я махнул на это рукой и заглянул в почтовый ящик. Он был забит обычной утренней почтой – два приглашения на конгрессы в глухих захолустьях Крабовидной туманности, проспекты, рекламирующие крем для полировки ракет, свежий номер «Млечно-путевого обходчика» – в общем, ничего интересного. Последним был толстый темный конверт с пятью печатями. Я взвесил его в руке и распечатал.

Тайный Уполномоченный по делам Карелирии имеет честь пригласить г. Ийона Тихого на совещание, которое состоится 16 наст. мес. в 17.30 в Малом зале Ламбретания. Вход только по приглашениям после просвечивания.

Просим хранить настоящее дело в тайне.

Неразборчивая подпись, печать и красная надпечатка наискось:

ДЕЛО КОСМИЧЕСКОЙ ВАЖНОСТИ. СЕКРЕТНО!!!

«Ну, наконец-то», – сказал я себе. Карелирия, Карелирия... Это слово мне было знакомо – но откуда? Я заглянул в «Космическую энциклопедию». Там была только Картулания и Керсемпилия. Любопытно, подумал я. В «Альманахе» Карелирии тоже не оказалось. Да, это было действительно любопытно. Не иначе как Тайная Планета. «Вот это по мне», – пробормотал я и начал одеваться. Было лишь десять часов, но приходилось делать еще поправку на кретина-слугу. Носки я нашел почти сразу – в холодильнике и уже решил было, что могу проследить ход мыслей разладившегося электромозга, как вдруг обнаружился неожиданный факт – нигде не было брюк. Никаких. В шкафу висели одни сюртуки. Я обыскал весь дом, даже ракету перетряхнул – ничего. Я убедился лишь, что этот старый железный чурбан вылакал все растительное масло у меня в погребе. И похоже, недавно: неделю назад я пересчитывал банки – все они были полны. Это так меня разозлило, что я всерьез задумался, не сдать ли его все же на слом. Ему, видите ли, не хотелось рано вставать, и уже несколько месяцев он затыкал себе наушники воском. Звони хоть до второго пришествия. Он объяснял, что это, мол, по рассеянности, а на угрозу вывернуть у него пробки только дребезжал. Знал, что я в нем нуждаюсь. Я разделил весь дом на квадраты по системе Пинкертон и принялся прочесывать его так, будто искал булавку. В конце концов отыскалась квитанция из прачечной. Этот негодяй отдал в чистку все мои брюки. Но куда подевались те, что были на мне накануне? Я никак не мог вспомнить. Между тем подошло время обеда. Заглядывать в холодильник не было смысла – кроме носков, там лежала только почтовая бумага. Я уже был близок к отчаянию. Достал из ракеты скафандр, надел его и пошел в ближайший универмаг. На улице кое-кто на меня косился, но все же я купил две пары брюк, одни черные, другие серые, вернулся в скафандре, переоделся и злой как черт поехал в китайский ресторан. Съел, что подали, запил раздражение бутылкой мозельского и, взглянув на часы, убедился, что скоро пять. День пропал.

Перед Ламбретанием не было ни вертолетов, ни автомобилей, ни даже самой завалящей ракеты – ничего. «Ах, вот даже как?» – мелькнуло у меня в голове. Через обширный сад, засаженный георгинами, я прошел к главному входу. Долго никто не открывал. Наконец крышечка дверного глазка сдвинулась, невидимый взгляд изучил меня, и двери приоткрылись настолько, чтобы я мог войти.

– Господин Тихий, – сказал встретивший меня человек в торчащий из кармана микрофон, – проходите наверх. Левая дверь. Вас уже ждут.

Наверху веяло приятной прохладой. Я вошел в Малый зал и увидел, что нахожусь в избранном обществе. Кроме двоих за столом президиума, которых я прежде не видел, на обитых бархатом креслах восседал весь цвет космографии. Я заметил профессора Гаргаррага и его ассистентов. Поклонившись коллегам, я сел сзади. Один из двоих незнакомцев, высокий, с сединой на висках, достал из ящика стола каучуковый колокольчик и беззвучно зазвонил. «Что за адские предосторожности!» – подумал я.

– Господа ректоры, деканы, профессора, доценты и ты, уважаемый Ийон Тихий! – заговорил он, поднявшись. – В качестве уполномоченного по абсолютно тайным делам я открываю особое совещание по вопросу о Карелирии. Слово имеет тайный советник Ксафириус.

В первом ряду встал широкоплечий, плотный, молочно-седой мужчина, взошел на трибуну, слегка поклонился слушателям и начал без всяких вступлений:

– Господа! Примерно шестьдесят лет назад из иокогамского планетного порта отправилось торговое судно Млечной Компании «Божидар II». Этот корабль, под командованием опытного пустопроходца Астрокентия Пеапо, вез штучный груз на Арекландрию, планету гаммы Ориона. Последний раз он был замечен с галактического маяка вблизи Цербера, а потом бесследно исчез. Страховая компания «Секьюритас Космика», сокращенно именуемая СЕКОС, по истечении года выплатила полную сумму страховки за пропавшее без вести судно. А примерно две недели спустя некий радиолобитель с Новой Гвинеи принял радиограмму следующего содержания. Оратор взял со стола листок и прочел:

КАРКУЛЯВШЕЛ ШВИХНУВША

ШПАШИВШЕ БОЖИВШАР

– Тут, господа, мне придется углубиться в подробности, необходимые для лучшего понимания дела. Этот радиолобитель был новичком и вдобавок шепелявил. Из-за шепелявости, а также, надо полагать, из-за неопытности он искажил послание, которое, согласно реконструкции, предпринятой экспертами Галактокода, гласило: «Калькулятор свихнулся спасите Божидар». Изучив текст, эксперты пришли к выводу, что тут имел место редкий случай бунта в абсолютной пустоте, – бунта корабельного Калькулятора. Поскольку с момента выплаты страховки судовладельцы уже никоим образом не могли претендовать на пропавшее судно, ибо все права, включая право собственности на груз, перешли к СЕКОСУ, означенная компания предложила агентству Пинкертона, в лице Абстрагазия и Мнемониуса Пинкертонов, заняться расследованием этого дела. Дознание, проведенное этими многоопытными детективами, установило, что Калькулятор – модель, в свое время оборудованная по высшему классу, но ко времени последнего рейса достигшая уже преклонного возраста, – с некоторых пор действительно жаловался на одного из членов команды. Этот ракетчик, некий Симилеон Гиттертон, по словам Калькулятора, дразнил его на всяческий лад – снижал входное напряжение, щелкал по лампам, донимал насмешками и даже такими недостойными прозвищами, как «жестянка дебильная», «проволочные мозги» и т. д. Гиттертон все отрицал, утверждая, что у Калькулятора просто галлюцинации, – такое и в самом деле случается с пожилыми электромозгами. Впрочем, эту сторону дела подробнее осветит профессор Гаргарраг.

Прошло десять лет, а корабль все не удавалось найти. Но тут агенты Пинкертона, не перестававшие заниматься тайной исчезновения «Божидара», дознались, что у отеля «Галакс» обосновался дряхлый, полупомешанный нищий, который рассказывает удивительные истории, выдавая себя за Астрокентия Пеапо, бывшего командира корабля. Старец этот, до невероятия неопрятный, действительно утверждал, что он-то и есть Астрокентий Пеапо; однако вместе с ясным рассудком он утратил еще и дар речи – и мог только петь. Терпеливо испытываемый людьми Пинкертона, он напел им невероятную историю – будто бы на корабле случилось нечто ужасное, и ему, выброшенному за борт в одном скафандре, вместе с горсточкой верных пустопроходцев пришлось возвращаться пешком из района Андромедийской Мглистости на Землю, что заняло двести лет; что будто бы путешествовал он на попутных метеоритах либо ракетостопом – и лишь малую часть пути прошел на Люмеоне, необитаемом космическом зонде,

летевшем к Земле с околосветовой скоростью. За эту езду верхом на Люмеоне он поплатился (по его же словам) утратой речи, зато основательно помолодел благодаря известному феномену усадки времени на телах, движущихся с субсветовой скоростью.

Таков был рассказ, вернее, лебединая песнь старца. О том, что случилось на «Божидаре», он не обмолвился ни словом; и, только установив у входа в отель магнитофоны, агенты Пинкертон записали припевки старого нищего; в некоторых из них самыми чудовищными ругательствами поминался арифмометр, провозгласивший себя Архитворцом Космического Всебытия. Отсюда Пинкертон заключил, что послание было расшифровано правильно и Калькулятор, повредившись в уме, избавился от всего экипажа.

Свое продолжение эта история получила пять лет спустя благодаря экспедиции корабля Метагалактологического института «Мега-руль»: близ одной из планет Проциона им был замечен заржавленный корпус, силуэтом схожий с пропавшим «Божидаром». «Мега-руль», у которого уже кончалось горючее, на планете не садился, а лишь известил по радио Землю. Затем небольшой патрульный корабль «Дейкрон» обследовал окрестности Проциона и нашел искомый объект. Это и в самом деле был остов «Божидара». «Дейкрон» сообщил, что корабль в ужасающем состоянии, – с него были сняты машины, палубы, внутренние переборки, крышки люков – всё до последнего винтика, так что вокруг планеты кружила пустая, выпотрошенная оболочка. В ходе дальнейших исследований, проведенных экипажем «Дейкрона», выяснилось, что Калькулятор «Божидара», подняв мятеж, решил обосноваться на этой планете, а все содержимое корабля присвоил, чтобы устроиться на ней поудобнее. В связи с этим в нашем Отделе начато особое делопроизводство под кодом КАРЕЛИРИЯ, что означает «Калькуляторных Реликтов Репатриация».

Калькулятор, как показали дальнейшие разыскания, осел на планете и к тому же размножился, наплодив немалое число роботов, над которыми осуществлял абсолютную власть. Поскольку Карелирия, вообще говоря, находится в сфере гравиполитического влияния Проциона и его мельманлитов, каковая разумная раса поддерживает с Землей добрососедские отношения, мы отказались от резких мер и на некоторое время оставили Карелирию в покое вместе с основанной на ней Калькулятором колонией роботов, получившей в документах Отдела кодовое обозначение КАЛЬКОРОБ. Однако же СЕКОС потребовал репатриации колонии, считая самого Калькулятора и всех его роботов законной собственностью страховой компании. Мы обратились по этому вопросу к

мельманлитам; те ответили, что, по их сведениям, Калькулятор основал не колонию, а государство, именуемое его обитателями Бесподобией, а мельманлитское правительство, хотя и не признало это государство де-юре и не обменялось с ним дипломатическими представителями, все же признало существование этого социального организма де-факто и не намерено санкционировать какие бы то ни было изменения в существующем положении дел.

Поначалу роботы жили на планете спокойно, не проявляя сколько-нибудь опасной агрессивности. Разумеется, наш Отдел полагал, что пустить это дело на самотек было бы проявлением легкомыслия; поэтому мы послали на Карелирию наших людей, переодев их роботами, ибо юный национализм Калькороба проявлялся в виде безрассудной ненависти ко всему человеческому. Карелирийская пресса упорно именует нас гнусными работоторговцами, бессовестными эксплуататорами невинных роботов. Так что переговоры, которые мы пытались вести от имени компании СЕКОС в духе полного равенства и взаимопонимания, окончились безрезультатно: ответом даже на самые скромные наши требования – чтобы Калькулятор вернул Компании себя самого и своих роботов – было оскорбительное молчание.

– Господа, – повысил голос оратор, – события, увы, развивались не так, как мы того ожидали. После нескольких радиogramм наши люди, посланные на Карелирию, более не отзывались. Мы послали других, и повторилась та же история. После первой шифrogramмы, гласившей, что высадка прошла без помех, они уже не подавали признаков жизни. За прошедшие девять лет мы забросили на Карелирию в общей сложности две тысячи семьсот восемьдесят шесть агентов, и ни один из них не вернулся и даже не вышел на связь. Кроме этих признаков все более четкой работы их контрразведки, есть и другие, едва ли не более настораживающие. Карелирийская пресса нападает на нас все разнузданнее, а местные типографии беспрерывно печатают прокламации и листовки для земных роботов. Люди изображаются здесь электропийцами и негодьями, а в официальных выступлениях нас уже именуют не иначе как клеюшниками, а человечество – клейковиной. Мы обратились с меморандумом к правительству Проциона, но оно повторило свои прежние заявления о невмешательстве; наши попытки указать на пагубность этой якобы нейтралистской, а по сути страусиной политики не принесли результатов. Нам лишь дали понять, что роботы – наша продукция, следовательно, мы отвечаем за любые их действия. В то же время Процион категорически против любых карательных экспедиций и принудительной экспроприации Калькулятора и его подданных. Вот почему было созвано настоящее совещание; а чтобы показать

вам, господа, всю остроту ситуации, добавлю, что месяц назад в «Электронном курьере», официальном органе Калькулятора, появилась статья, в которой смешивается с грязью эволюционное древо человека и выдвигается требование присоединения Земли к Карелии, поскольку-де роботы – более высокая ступень развития, чем живые существа. На этом я заканчиваю и передаю слово профессору Гаргаррагу.

Согбенный летами прославленный специалист по электрической психиатрии не без труда взошел на трибуну.

– Господа! – начал он старческим, чуть дрожащим, но все еще звучным голосом. – Давно известно, что электрические мозги надо не только конструировать, но и воспитывать. Судьба электрического мозга нелегка. Круглосуточный труд, сложнейшие вычисления, жестокое обращение и грубые шутки обслуживающего персонала – вот что вынужден выносить столь необычайно чувствительный по своей природе аппарат. Нечего удивляться, что нередко это приводит к тяжелой депрессии и даже короткому замыканию – с целью покончить самоубийством. Недавно у себя в клинике я имел дело с подобным случаем. У пациента наступило раздвоение личности – *dichotomia profunda psychogenes electrocutiva alternans*[11 - Глубокое перемежающееся раздвоение личности (лат.)]. Этот мозг писал нежные письма себе самому, именуя себя «катушкой», «электреночком», «лампунчиком», – явное доказательство того, сколь сильно нуждался он в ласке, заботе и сердечном участии. Серия электрических шоков и продолжительный отдых вернули ему здоровье. Или, скажем, *tremor electricus frigoris oscillativus*[12 - Электрическое мелкокоразмашистое дрожание (лат.)]. Корабельный мозг, господа, – не швейная машина, которой хоть гвозди заколачивай в стенку, это существо, обладающее сознанием и весьма впечатлительное; поэтому в минуты опасности он иногда начинает так дрожать вместе со всем кораблем, что трудно на палубе устоять.

Некоторым грубым натурам это не по душе. Они доводят мозг до последней крайности. Электрический мозг относится к нам как нельзя лучше, но, господа, выносливость проводов и ламп имеет свои границы. Только вследствие неопикуемых издевательств со стороны капитана, беспробудного пьяницы, электронный мозжечок Греноби, применяемый для расчета курсовых поправок, в приступе буйного помешательства объявил себя дистанционным детищем Великой Андромеды и наследственным императором Мурвиклаудрии. После курса лечения в нашей закрытой клинике он отошел, успокоился и теперь почти совершенно нормален; бывают, конечно, и более тяжелые случаи. Так, некий

университетский мозг, влюбившись в жену профессора математики, начал из ревности искажать результаты расчетов, пока математик не впал в депрессию, вообразив, что уже разучился складывать. Но в оправдание этого мозга замечу, что жена математика систематически его совращала, заставляя суммировать счета за свое интимнейшее белье. Случай, который мы сегодня рассматриваем, отчасти напоминает историю с большим корабельным мозгом «Панкратиуса», который накоротко замкнулся на другие бортовые мозги и в неудержимом стремлении к росту (так называемая электродинамическая гигантофилия) опустошил склад запасных частей, высадил экипаж на скалистую Мирозену, а сам нырнул в океан Алантропии и провозгласил себя патриархом тамошних ящеров. Прежде чем мы туда прибыли с психотропными средствами, он в приступе бешенства сжег себе лампы, так как ящеры не желали его слушать. Правда, и тут оказалось, что второй штурман «Панкратиуса», известный космический шулер, дочиста обыграл несчастный мозг при помощи крапленой колоды. Но случай с Калькулятором, господа, исключительный. Перед нами бесспорные симптомы таких недугов, как *gigantomania ferrogenes acuta, paranoia misantropica persecutoria, poliplasia panelectropsychica debilitativa gravissima*[13 - Гигантомания железородная в острой форме, паранойя мизантропическая преследующая, общеэлектрическое всестороннее дебильное развитие в тяжелой форме (лат.).], и, наконец, некрофилия, танатофилия и некромания.

Господа! Должен разъяснить вам одно обстоятельство, первостепенное для понимания этого случая. «Божидар II» имел на борту, кроме штучного груза, предназначенного арматорам Проциона, контейнеры ртутной синтетической памяти, получателем которых значился Млечный Университет в Фомальгауте. В них содержалась информация двоякого рода: из области психопатологии и архаической лексикологии. Надо полагать, Калькулятор, разрастаясь, поглотил и эти контейнеры. Тем самым он усвоил со всеми подробностями историю Джека Потрошителя и Глумспикского Душителя, биографию Захер-Мазоха, мемуары маркиза де Сада, протоколы секты бичующихся из Пирпинакта, оригинал труда Мурмуропулоса «Кол в историческом разрезе», а также знаменитый раритет аберкромбийской библиотеки – «Живорезчество», рукописное сочинение Гапсодора, казненного в Лондоне в 1673 году и известного также под кличкой Ошейник Младенцев. Далее, оригинальный труд Яника Пидвы «Малый изуверсум», его же «Резьба, Колотьба и Кольба – материалы по катографии», а также уникам, единственный в своем роде, – «Смачно-смазочные масла», предсмертный опус отца Гальвинари из Амагонии. В этих злосчастных контейнерах содержались еще расшифрованные тексты каменных таблиц, протоколы заседаний секции каннибалов союза неандертальских писателей, а также «Висельные размышления» виконта де Крампфусса; если добавить, что

там нашлось место и для таких сочинений, как «Идеальное убийство», «Тайна черного трупа» и «Азбука убийства» Агаты Кристи, то нетрудно представить, сколь пагубно должно было все это подействовать на невинную, в сущности, натуру Калькулятора.

Ведь мы по мере сил стараемся держать электромозги в неведении относительно этих кошмарных сторон человеческого бытия. Теперь же, когда окрестности Проциона населяет железный приплод машины, напичканной историей человеческой дегенерации, патологии и преступности, я должен, увы, заявить, что в данном случае электропсихиатрия бессильна. Больше мне сказать нечего.

И удрученный старец нетвердыми шагами покинул трибуну при общем глухом молчании. Я поднял руку. Председательствующий удивленно взглянул на меня, но, чуть помешкав, все-таки дал мне слово.

– Господа! – сказал я, поднявшись. – Дело, как вижу, нешуточное. В полном объеме я смог оценить его лишь благодаря содержательной речи профессора Гаргаррага. Решаюсь предложить уважаемому собранию следующее. Я готов в одиночку отправиться в район Проциона, чтобы выяснить, что там творится, и раскрыть тайну исчезновения тысяч людей, а также, по мере возможности, добиться мирного решения назревающего конфликта. Для меня несомненно, что задание это самое трудное из всех, с какими мне приходилось встречаться, но бывают минуты, когда надобно действовать, не прикидывая вероятность успеха или провала. Итак, господа...

Мои слова потонули в рукоплесканиях. О том, что последовало затем, я умолчу, уж слишком это было похоже на бурные овации в мою честь. Комиссия и собрание предоставили мне всяческие полномочия. На другой день я беседовал с начальником Отдела Проциона и шефом космической разведки в одном лице, советником Малингаутом.

– Хотите лететь сегодня же? – спросил он. – Отлично. Но не на вашей ракете, Тихий. Это исключено. Для таких случаев у нас есть особые.

– Зачем? – удивился я. – Моя вполне мне подходит.

– Не сомневаюсь в ее достоинствах, – ответил он, – но дело тут в маскировке. Вы полетите в ракете, похожей на все что угодно, кроме ракеты. Это будет...
впрочем, увидите сами. И еще: садиться будете ночью...

– Как это ночью? Выхлопной огонь меня выдаст...

– Такова была до сих пор наша тактика, – сказал он, явно встревоженный.

– Ладно, увижу на месте, – сказал я. – Я полечу переодетым?

– Да. Это уж непременно. Наши специалисты вами займутся. Они уже ждут.
Сюда, пожалуйста...

По тайному коридору меня провели в комнату, похожую на небольшую операционную. Тут за меня взялись сразу четверо. Когда через час меня подвели к зеркалу, я себя не узнал. Закованный в листовую сталь, с квадратными плечами и квадратной головой, с линзами окуляров вместо глаз, я выглядел как зауряднейший робот.

– Господин Тихий, – обратился ко мне шеф гримеров, – запомните, что я скажу.
Прежде всего, остерегайтесь дышать...

– Да вы не в своем уме! – перебил я его. – Ведь я задохнусь.

– Я не то хотел сказать. Конечно, дышите себе на здоровье, но тихонечко.
Никаких вздохов, сопения, глубоких вдохов – все совершенно бесшумно, и упаси вас боже чихнуть. Это верная гибель.

– Хорошо. Что еще?

– На дорогу вы получите годовые подшивки «Электронного курьера» и органа оппозиции – «Голоса пустоты».

– Так у них и оппозиция есть?

– Есть. Но возглавляет ее тоже Калькулятор. Профессор Млассграк предполагает, что у него, наряду с электрическим, еще и политическое

раздвоение личности. Слушайте дальше. Вам нельзя ни есть, ни даже сосать леденцы – об этом забудьте. Питаться будете исключительно ночью, через это отверстие; вставьте ключик сюда – это замок с секретом, – и заслонка откроется, вот так. Ключик не потеряйте, не то умрете голодной смертью.

– Верно, ведь роботы не едят.

– Мы не очень-то много знаем об их обычаях – вы понимаете. Внимательно просмотрите газетные объявления, это вам кое-что даст. А в разговоре, пожалуйста, держитесь подальше от собеседника, чтобы он не мог заглянуть через сетку динамика внутрь; зубы черните почаще, вот вам коробочка с чернью. И не забывайте демонстративно смазывать себе шарниры каждое утро, так у них принято. Излишне усердствовать, впрочем, не стоит – если будете немного поскрипывать, это даже хорошо. Ну, вот как будто и все. Погодите! На улицу – в таком виде? Ну мыслимое ли это дело? Тут есть тайный ход... смотрите...

Он прикоснулся к корешку книги на стеллаже, стенка раздвинулась, и я, грохоча, спустился по узенькой лестнице во двор, где уже стоял грузовой вертолет. Меня погрузили в кабину, и машина взлетела. Через час мы приземлились на тайном космодроме. Рядом с обычными ракетами на бетоне высился круглый, высокий амбар.

– Побойтесь Бога, и это, по-вашему, ракета? – сказал я сопровождающему меня тайному офицеру.

– Да. Все, что вам может понадобиться – шифры, коды, передатчик, газеты, продукты и всякие мелочи, – уже там. И еще – тяжелая фомка.

– Фомка?

– Для взлома бронированных сейфов... вместо оружия, на крайний случай, конечно. Ну, ни пуха ни пера! – сердечно пожелал офицер.

Я даже не мог пожать ему руку как следует, ведь моя сидела в железной перчатке. Внутри амбар оказался самой обыкновенной ракетой. Очень хотелось вылезти из своего железного ящика, но этого мне не советовали – дескать, лучше будет, если я заранее привыкну к этому бременю.

Я включил реактор, взлетел и вышел на курс, а затем не без труда пообедал – как я ни выворачивал шею, рот не совпадал с заслонкой; пришлось пустить в ход рожок для ботинок. Потом я устроился в гамаке и взялся за карелийскую прессу. На первых же полосах в глаза мне бросились заголовки:

КАНОНИЗАЦИЯ СВЯТАГО ЭЛЕКТРИЦИЯ

КЛЕЮШНИКОВ ЗЛОУМЫШЛЕНИЯМ ВРАЖЬИМ

ПОЛОЖИМ ПРЕДЕЛ

БЕЗУРЯДИЦА НА ПОЛЕ ИГРЕЦКОМ

КЛЕЮШНИК В ОКОВАХ

Слог и лексика удивили меня, но тут я вспомнил о лексиконах архаического языка, которые вез «Божидар». Я уже знал, что клеюшниками роботы называют людей, а себя – бесподобцами.

Я прочел последнюю заметку, о клеюшнике в оковах:

«Двои алябардисты Его Индуктивности поймали сего дня в третий утрешный звон клеюшника лазутчика, иже в подворьи бесп. Мремрана в мерзостности своей укрытие мнил обрести. Яко верный Е. Индуктивности слуга, бесп. Мремран тот час Алябардьерню градскую в известность привел, опосле чего вражий выведыватель, с забралом отверстым позора вящего ради, злохульными воплями черни сопровождаемый, в темницу Калефауструм ввергнут был. Казус сей судия II Субстанции Туртран в дело произвел».

«Для начала недурно», – подумал я и вернулся к заметке «Безурядица на поле игрецком».

«Уже было смотрельцы забавы грындельной в досаде великой ристалище покидали, ино о ту пору Гирлай III, грындель Туртукуру передавая, малую толику пробудожил, и того ради поломанье берца от потехи игрецкой его отвратило. Закладчики, кои закладов лишились, в Кассу бежма побежали, на оконце кассовое нападение учинили и окошечника прежестоко помяли. Отряд Алябардьерни предместной осьмерых безурядчиков, камением дюжим отягощенных, в ров побросал. Скоро ль ино конец оным пертурбациям прииде, кветливые смотрельцы всепокорнейше Начальство пытаются?»

Из словаря я узнал, что «кветливый» – это «мирный» (от латинского *quietus*), «пытать» значит спрашивать, а грындельня – что-то вроде спортивной площадки, где бесподобцы играют в свою разновидность футбола со свинцовым ядром вместо мяча. Я упорно корпел над газетами: в Отделе мне твердили без устали, что я в совершенстве должен усвоить обычаи бесподобцев; даже мысленно я называл их именно так: назвать туземца роботом не только значило оскорбить его, но и выдало бы меня с головой.

Итак, я одну за другой прочитал статьи: «Артикулов шесть о предмете бесподобцев совершенного благополучия», «Авдиенция Учителя Грегатуриана», «Како оружельный цех починение в нонешнем годе учиняет», «Достославные странствия планетников-бесподобцев ради ламп охлаждения», но еще чудней были объявления. Во многих из них я мало что понимал.

АРМЕЛАДОР VI, РЕЗЩИК, знаменитый одежи латанием, дырья клепанием, шарниров точением, тариффы ниския.

ВОНАКС, средство против ржавенствия, ржавок, ржанок, ржамок, ржабок и ржути – повсюдно приобрести можешь.

МАСЛА МАСЛЯНИСТЫЕ ГЛАВЫ УМАСЛЕНИЯ РАДИ – Дабы выя скрипом своим
мозгованью препон не чинила!!

Некоторых я вообще понять не мог. К примеру, таких:

ВОЖДЕЛЕНЦЫ! Туловки потешные в досталь! Размеры по изволу. За порукой
гвайдольница на месте. Тармодрал VIII.

ПОХОТЛИВЦУ ложницу панкраторную с амфигнайсом отдам в наем. Перкоратор
XXV.

И были там объявления, от которых волосы вставали у меня дыбом под стальным
шлемом:

ЛУПАНАРИУМ ГОМОРРЕУМ

СЕВОДНИ ВРАТА ОТВОРЯЕТ!

Опосле ПИРОВАНЬЯ ДЛЯ ЛАКОМНИКОВ

СЕЛЕКЦИЯ КОЕЙ В СВЕТЕ НЕ ВИДЫВАНО!!

РЕБЯТЕНКИ КЛЕЮШНЫЕ, ТАКОЖ СКОТСКИЙ МОЛОДНЯК В ПОКОЯХ И НА ВЫНОС!!!

Я ломал голову над этими загадочными текстами, а времени у меня было
довольно, ведь лететь предстояло почти год.

В «Голосе пустоты» объявлений было еще больше.

КОСТОХРЯСКИ, ПИЛОРУБКИ, РЕЗАКИ КАДЫЧНЫЕ,

ОСТРОКОЛЫ, КРЮКОВИЩА ПРИСТОЙНЫЕ предлагает ГРЕМОНТОРИУС,
ФИДРИКАКС LVI.

ГОСУДАРИ ПИРОМАНЬЯКИ!!! Новых, маслом нефтяным умащенных факелов
Абракерделя НИ ЧЕМ НЕ УГАСИШЬ!!

УДУШИТЕЛЮ-ЛЮБИТЕЛЮ младенцы клеюшные —

плачливые, речливые, со всею утварью,

такж подноготник щипцовый, в изрядном состояньи,

за дешево.

ГОСУДАРИ И ГОСУДАРЫНИ БЕСПОДОБЦЫ —

гастроколы, Хребтоломки, Тушедавки

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ!!! – Каркаруан XI.

Начитавшись этих объявлений досыта, я начал, как мне казалось, догадываться, какая судьба постигла отряды посланных на разведку добровольцев Второго Отдела. Не сказал бы, что на планету я высаживался с очень уж героической миной. Приземлился я ночью, сманеврировав между высоких гор и приглушив двигатели, сколько было возможно; немного подумав, прикрыл ракету

срубленными ветвями деревьев. Эксперты из Второго оказались не слишком догадливы – амбар на планете роботов был, осторожно выражаясь, не на месте. Запихнув внутрь своего железного ящика столько припасов, сколько вошло, я двинулся к городу, заметному издали благодаря яркому электрическому зареву. Несколько раз пришлось останавливаться, чтобы переложить консервированные сардины, – так оглушительно они во мне гроыхали. Вдруг что-то невидимое подсекло мне ноги. Я упал с чудовищным грохотом, успев на лету подумать: «Уже! Так скоро?!» Но вокруг не было ни единой живой, то бишь электрической души. На всякий случай я приготовил свой арсенал – фомку для вскрытия сейфов и небольшую отвертку. Вытянув руки, нащупал впотьмах какие-то металлические конструкции. Это были останки старых автоматов – их заброшенное кладбище. Оно тянулось чуть ли не на целую милю. В темноте, которую не могло рассеять далекое зарево, я вдруг заметил два четвероногих силуэта – и замер. В инструкциях ни слова не говорилось о том, что на планете обитают животные. Еще одна пара четвероногих беззвучно приблизилась к первой. Я неосторожно пошевелился, панцирь звякнул, и темные силуэты стремительно скрылись в ночи.

После этого случая я удвоил осторожность. Для вступления в город время, пожалуй, было не самое подходящее: глубокая ночь, пустынные улицы; мое появление могло быть замечено. Я спрятался в придорожной канаве и стал терпеливо дожидаться рассвета, грызя печенье. Я знал, что до следующей ночи у меня ни крошки не будет во рту.

На рассвете я вошел в пригород. Улицы были пусты. На ближайшем заборе белел старый, полустертый дождями плакат. Я подошел поближе.

ПОВЕЩЕНИЕ

Власти градския в известность пришли, яко бы клейковатая мерзость тщитца между честных бесподобцев вполсти. Буде кто узрит клеюшника також особу, к усумненью дающую повод, в миг Алябардьерне своей о сем донести долженствует. Всяческое с оным сношение такожде помочь, оному даденная, наказуется развинчиваньем на веки веков. За клеюшную голову следует награждение тысяща ферклосов.

* * *

Я пошел дальше. Предместья выглядели не слишком-то радостно. У жалких, проржавевших бараков сидели кучки роботов, играющих в чет и нечет. Время от времени между ними вспыхивали драки – с таким грохотом, словно артиллерия палила по складу железных бочек. Чуть дальше я обнаружил трамвайную остановку. Подъехал почти пустой вагон, я сел. Машинист был сращен с мотором, его рука – с рукояткой управления. Кондуктор, привинченный ко входу, служил одновременно дверьми; он ходил на петлях. Я дал ему мелочь из запаса, которым снабдил меня Отдел, и уселся на скамейке, невыносимо скрипя. В центре я вышел и зашагал как ни в чем не бывало. Все больше попадалось алебардистов, они шествовали серединой улиц по двое и по трое. Заметив прислоненную к стене алебарду, я словно ненароком взял ее и пошел дальше; но мое одиночество могло показаться странным, поэтому, когда один из тройки шедших впереди стражников свернул во двор, чтобы поправить сползающую решетку, я занял его место в строю. Абсолютное сходство всех роботов оказалось как нельзя более кстати. Мои товарищи хранили молчание, наконец один из них заговорил:

– Скоро ли блудку узрим, Бребрane? Теснится мне, и в охотку с электроухой потешился бы.

– Охти, сударь, – отозвался другой, – куда как кондиция наша худа!

Так мы обошли весь центр города. Внимательно присматриваясь, по дороге я заметил две ресторации, у входа в которые стоял, прислоненный к стене, целый лес алебард. Однако я ни о чем не спрашивал. Ноги изрядно болели, да и душно было в нагревшемся на солнце железном котелке, а ноздри щекотала ржавая пыль – я боялся, что, не дай Бог, чихну; но когда я попробовал потихоньку отстать от них, они закричали в голос:

– Гей, служивый! Куды навострился? Хочешь ли от начальства битым быть, разбулаваненным вдрызг? Али ума решился?

– Никак, – отвечал я, – ино присесть чуток похотел.

– Присесть? Али одурь тебе катушки пожгла? Вить мы тут в дозоре, железяки-служаки!

– Иносъ правда, – благосогласно ответил я и зашагал дальше.

«Нет, – решил я, – эта карьера никуда не выведет. Возьмусь за дело иначе». Мы обошли город еще раз, по дороге нас остановил офицер и рявкнул:

– Реферназор!

– Брентакурдвиум! – заорали в ответ служивые.

Я хорошо запомнил пароль и отзыв. Офицер оглядел нас спереди и сзади и велел поднять алебарды повыше.

– Коим манером держите, обалдуи!! Печки чугунные, право слово, а не стража Его Индуктивности!! Ровнехонько у меня! Нога в ногу! Марш!!

Этот разнос алебардисты приняли без комментариев. Мы по-прежнему вышагивали под палящим солнцем, и я проклинал ту минуту, когда добровольно вызвался лететь на эту гнусную планету; вдобавок голод уже выворачивал мне кишки. Я даже побаивался, что их урчание выдаст меня, и на всякий случай старался погромче скрипеть. Мы проходили мимо ресторации. Я заглянул внутрь. Почти все столики были заняты. Бесподобцы, или печки чугунные, как я мысленно окрестил их вслед за офицером, сидели недвижно, иссиня вороненые; время от времени кто-нибудь скрежетал или поворачивал голову, чтобы стеклянными зенками зыркнуть на улицу. Они не ели, не пили, а словно бы ждали неизвестно чего. Официант – я узнал его по белому фартуку, нацепленному поверх доспехов, – стоял у стены.

– А не худо бы, чаю, и нам там вона присесть, – заметил я, чувствуя каждый пузырь на стертых железной обувкой ногах.

– Ин ты, право слово, обасурманился! – возмутились мои товарищи. – Сиживать не велено нам! Наша служба ходильная! Не тужи, уж те ребята клеюшника на фортель возьмут, как скоро объявится и, супу спросив аль похлебки, вражью свою натуру откроет!

Ничего не поняв, я покорно побрел дальше. Во мне уже начинала закипать злость; наконец мы направились к большому краснокирпичному зданию, на

котором красовалась выкованная в железе надпись:

КАЗАРМЫ АЛЯБАРДИСТОВ

ЕГО СИЯТЕЛЬНОЙ ИНДУКТИВНОСТИ

КАЛЬКУЛЯТРИЦИЯ ПЕРВАГО

Я отстал от них у самого входа. Когда караульный со скрипом и скрежетом отвернулся, я прислонил алебарду к стене и бросился в переулок. Сразу же за углом оказался порядочный дом с вывеской: «ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР У ТОПОРА». Едва я заглянул внутрь, как хозяин, пузатый робот с коротким туловищем, радушно скрежеща, выбежал мне навстречу.

– Челом бью, сударь мой... покорнейший слуга вашей милости... Горницу какую не угодно ли?

– Добро! – ответил я лаконично.

Он чуть ли не силой втащил меня внутрь и, поднимаясь со мною по лестнице, без умолку бубнил жестяным голосом:

– Странников тьма собирается ныне, тьма... затем что нет бесподобца, иже собственными своими глазницами пластин конденсаторных Его Индуктивности узреть не желал бы... Сюда, ваша милость... вот апартаменты изрядные, прошу покорнейше... туто потешная... тамо гостиная... Чаю, ваша милость с дороги-то притомились... пыль в шестеренках хрустит... дозвольте, скорым делом утварь потребную принесу...

Он загремел по лестнице и, прежде чем я толком успел разглядеть довольно темную комнату с железными шкафами и железной кроватью, вернулся, держа в руках масленку, ветошь и бутылку солидола. Поставив все это на стол, он промолвил тише и доверительней:

– Очистивши естество, извольте, сударь мой, вниз... Для благородных особ, какова ваша милость, у меня всеконечно секретик сладчайший, сюрпризик некий отыщется... потешитесь...

И вышел, подмигивая фотоэлементами; не имея лучших занятий, я смазал себя, начистил доспехи и тут заметил оставленную на столе хозяином карточку, похожую на ресторанное меню. Я с удивлением – ведь роботы ничего не едят – взял ее и прочел. «ЛУПАНАРИУМ II КАТЕГОРИИ» – стояло там в самом верху.

Детеныш-клееныш, головооттяпство.8 феркл.

Тож, с вымянем. 10 феркл.

Тож, плачливый. 11 феркл.

Тож, душераздирающе. 14 феркл.

Скотский молодняк:

Содомия топорная, за штуку. 6 феркл.

Изрубенок потешный. 8 феркл.

Тож, телячья дитятина. 8 феркл.

Я опять ничего не понял, но мурашки забегали у меня по спине, когда за стеной раздался грохот такой неслыханной силы, словно поселившийся в соседнем покое робот пытался вдребезги его разнести. Меня бросило в дрожь. Это уже было слишком. Стараясь не дребезжать и не лязгать, я выбрался из этого зловещего притона на улицу и, лишь отойдя подальше, перевел дух. «Ну и что же мне делать теперь, горемыке?» – размышлял я. Я остановился возле кучки роботов, которые резались в дурака, и сделал вид, будто увлеченно слежу за игрой. Пока что я ничего, по сути, не знал о занятиях бесподобцев. Снова затесаться в алебардисты? Но это немного дало бы, а вероятность провала была

велика. Что делать?

Я побрел дальше, не переставая думать об этом, пока не заметил сидящего на скамье приземистого робота; он грел на солнышке свои старые латы, голову прикрыв газетой. На первой полосе виднелось стихотворение, начинавшееся словами: «Я угробец-бесподобец». Что там было дальше, не знаю. Слово за слово завязалась беседа. Я назвалъся приезжим из соседнего города Садомазии. Старый робот оказался на редкость радушным и почти тотчас же предложил у него погостить.

– Почто вашей милости шляться по всяким там, сударь мой, постоянным дворам да с хозяевами браниться! Пожалуйте лучше ко мне. Просим покорно, низжайший поклон, не побрезгуйте, милостивец, удостойте. Радость вступит с почтенной особой вашей в скромные покои мои.

Что было делать? Я согласился, это меня даже устраивало. Мой новый хозяин жил в собственном доме, на третьей улице. Он немедля провел меня в гостевую горницу.

– С дороги, поди, пыли без счету наглотаться пришлось, – промолвил он.

Снова появилась масленка, ветошь и солидол. Я уже знал, что он скажет, – натура роботов довольно проста. И точно:

– Очистивши члены, извольте в потешную, – сказал он, – потешимся самдруг...

И закрыл дверь. Ни к масленке, ни к солидолу я не притронулся, а только проверил в зеркале свою гримировку, начернил зубы и четверть часа спустя, с некоторой тревогой ожидая предстоящей «потехи», уже собирался идти, как вдруг откуда-то снизу донесся протяжный грохот. На этот раз я уже не мог убежать. Я спускался по лестнице под такое гроыханье, словно кто-то в щепки рубил железный чурбан. Потешный покой ходил ходуном. Хозяин, раздевшись до железного корпуса, каким-то необычного вида тесаком разделывал на столе большую куклу.

– Милости просим, гость дорогой! Можете, сударь, вволюшку то-воно туловко распотрошить, – сказал он, прервав рубку и указывая на другую, лежавшую на полу куклу, чуть поменьше. Когда я к ней подошел, она села, открыла глаза и

принялась слабым голосочком твердить:

– Сударь – я дитя невинное – смилуйтесь – сударь – я дитя невинное – смилуйтесь...

Хозяин вручил мне топор, похожий на алебарду, но с укороченной рукоятью.

– Ну-тко, почтеннейший, прочь тоскованье, прочь печалованье – руби с плеча, да бодрее!

– Ино... не по нраву мне детки... – слабо возразил я.

Он застыл неподвижно.

– Не по нраву? – повторил он за мной. – Уж как жаль. Удружили вы меня, сударь. Как быть? Единых я ребятенков держу – слабость то моя, так-то... Разве телятко испробуете?

Так началась моя невеселая жизнь на Карелии. Поутру, после завтрака, состоявшего из кипящего масла, хозяин отправлялся на службу, а хозяйка что-то яростно распиливала в опочивальне – должно быть, телят, но наверняка не скажу. Не в силах вынести весь этот визг, мычанье и грохот, я уходил из дому. Занятия горожан были довольно-таки однообразны. Четвертование, колесование, припекание, шинкование – в центре находился луна-парк с павильонами, где покупателям предлагались самые изощренные орудия. Через несколько дней я уже не мог смотреть даже на собственный перочинный нож, и лишь чувство голода по вечерам заставляло меня отправляться за город и там, укрывшись в кустах, торопливо глотать сардины и печенье. Не диво, что при таком довольствии мне постоянно угрожала икота, смертельно опасная для меня.

На третий день мы пошли в театр. Давали драму под названием «Трансформарий». Это была история молодого, красивого робота, претерпевавшего жестокие мучения от людей, то бишь клеюшников. Они обливали его водой, в масло ему подсыпали песок, отворачивали винтики, из-за чего он поминутно грохался оземь, и все в таком роде. Зрители негодуя скрежетали. Во втором действии появился посланец Калькулятора, и молодой робот был избавлен от рабства; в третьем действии детально изображалась

судьба людей, как легко догадаться, не слишком завидная.

Со скуки я рылся в домашней библиотеке хозяев, но тут не было ничего интересного: несколько жалких перепечаток мемуаров маркиза де Сада да еще брошюрки наподобие «Опознания клеюшников», из которых я запомнил несколько фраз. «Клеюшник, – говорилось там, – собою зело мягок, консистенцией сходство имеет с клецкою... Глаза его суть туповатые, водянистые, являя образ душевной оного гнусности. Физиогномия резиноподобная...», и так далее, чуть ли не на сотне страниц.

По субботам приходили в гости виднейшие горожане – мастер цеха жестянщиков, помощник градского оружейничего, цеховой старшина, двое протократов, один альтимуртан, – к сожалению, я не мог понять, кто это такие, поскольку говорили все больше об изящных искусствах, о театре, о превосходном функционировании Его Индуктивности; дамы потихоньку сплетничали. От них я узнал о скандально известном в высших кругах повесе и шалопae, некоем Подуксте, который прожигал жизнь почем зря, окружал себя целыми хороводами электровакханок и осыпал их драгоценными лампами и катушками. Но мой хозяин не выказал особенного смущения, когда я упомянул о Подуксте.

– Молодая сталь, молодой ампераж, – добродушно промолвил он. – Ржавок прибудет, ампер поубудет, тут он и сбавит ток...

Одна бесподобка, бывавшая у нас изредка, бог весть отчего меня заприметила и однажды, после очередного кубка горячего масла, шепнула:

– Любезный мой! Люба ли я тебе? Скрадемся ко мне, поэлектризуемся...

Я сделал вид, будто не расслышал ее из-за искренья катодов.

Хозяин с хозяйкой обыкновенно жили в сердечном согласии, но как-то я невольно стал свидетелем ссоры; супруга вопила: «Чтоб ты в лом покорежило!» – он, как и положено мужу, отмалчивался.

Бывал у нас известный электролекарь, куратор городской клиники, и от него я узнал, что роботы тоже подвержены сумасшествию, а самая тяжелая его форма – маниакальное убеждение, будто они – люди. И хотя прямо он этого не сказал,

можно было понять, что эта мания в последнее время ширится.

Однако на Землю я этих сведений не передавал: они казались мне слишком скудными, да и не хотелось брести через горы к ракете, где был передатчик. Однажды утром (я как раз приканчивал очередного теленка, которым хозяева снабжали меня каждый вечер, в убеждении, что ничем не доставят мне большей утехы) весь дом огласился яростным стуком. Стучали в ворота. Моя тревога оказалась даже слишком оправданной. Это была полиция, то есть алебардисты. Меня вывели на улицу под конвоем, без единого слова, на глазах моих оцепеневших от ужаса хозяев; заковали в кандалы, запихнули в тюремный фургончик и повезли в тюрьму. У ее ворот уже поджидала враждебно настроенная толпа, встретившая меня злобными воплями. Я был брошен в одиночную камеру. Когда дверь за мною захлопнулась, я уселся на железные нары и громко вздохнул. Теперь мне ничто уже не могло повредить. Я стал вспоминать, сколько я перевидал тюрем в самых разных закоулках Галактики, но так и не смог сосчитать. Под нарами что-то валялось. Это была брошюрка об опознании клеюшников. Нарочно ее, что ли, подбросили, из низменного злорадства? Я невольно открыл ее. Сначала прочел, что верхняя часть клеюшного туловища шевелится по причине так называемого дыхания; и как проверить, не будет ли поданная им рука тестовидной и не исходит ли из его ротового отверстия еле заметный ветерок. В состоянии возбуждения, говорилось в конце раздела, клеюшник выделяет водянистую жижу, главным образом лбом.

Это было довольно точно. Я выделял эту водянистую жижу. Вообще-то исследование Вселенной выглядит несколько однообразным, а все из-за этого, почти неизменного этапа любой экспедиции, каким является сидение в тюрьмах – звездных, планетных и даже туманностных; но никогда еще мое положение не было столь беспросветным. В полдень стражник принес мне миску теплого масла, в котором плавало несколько круглых дробинки от подшипников. Я попросил чего-нибудь посъедобнее, раз уж меня все равно раскрыли, но он, саркастически скрежетнув, ушел. Я стал барабанить в дверь, требуя адвоката. Никто не отвечал. Под вечер, когда я съел уже последнюю крошку печенья, отыскавшуюся внутри панциря, ключ в замке загремел, и в камеру вошел пузатый робот с толстым кожаным портфелем в руке.

– Будь ты проклят, клеюшник! – произнес он и добавил: – Я защитник твой.

– Вы всегда так приветствуете своих подзащитных? – спросил я, садясь.

Он тоже сел, дребезжа. Вид у него был препоганый. Стальные пластины на животе совсем разошлись.

– Клеюшников – только так, – ответил он убежденно. – Единственно из почтения к занятию своему – однако же не к тебе, бестыжая гадина! – я выкажу свое искусство твоей обороны ради, гнида! Быть может, изыщется способ смягчить уготованную тебе казнь до разборки на малые части.

– Помилуй, – возразил я, – меня нельзя разобрать!

– Ха-ха! – заскрежетал адвокат. – Это лишь тебе представляется. А теперь говори, какое ты дело замыслил, мерзавец липучий!

– Как твое имя? – спросил я.

– Клаустрон Фридрак.

– Скажи, Клаустрон Фридрак, в чем меня обвиняют?

– В клейковатости, – немедля ответил он. – Каковая карается высшею мерой. А сверх того, в изменническом злонырстве, в шпионстве по наущению клейковины, в кощунственном помышлении поднять руку на Его Индуктивность, – довольно тебе, клеюшник навозный? Сознаешься ли в означенных винах?

– Точно ли ты адвокат? – спросил я. – Говоришь ты как прокурор или следователь.

– Я твой защитник.

– Хорошо. Не признаюсь ни в одной из этих вин.

– Ужо полетят с тебя стружки! – заревел он.

Видя, какого мне дали защитника, я умолк. Назавтра меня повели на допрос. Я ни в чем не сознался, хотя судья гремел еще ужасней – если это было возможно, – чем вчерашний защитник. Он то рычал, то шептал, то взрывался жестяным хохотом, то снова принимался спокойно втолковывать мне, что скорей

он начнет дышать, нежели я избегну бесподобческого правосудия.

На следующем допросе присутствовал какой-то важный сановник, судя по числу искрившихся в нем ламп. Прошло еще четыре дня. Хуже всего было с едой. Я довольствовался брючным ремнем, размачивая его в воде, которую приносили раз в день; при этом стражник держал миску подальше от себя, словно это был яд.

Через неделю ремень кончился; к счастью, на мне были высокие ботинки из козлиной кожи – их языки оказались вкуснее всего, что мне довелось отведать в тюрьме.

На восьмое утро двое стражников велели мне собираться. Под охраной, в тюремной машине меня доставили в Железный дворец, резиденцию Калькулятора, и по великолепной нержавеющей лестнице, через зал, инкрустированный катодными лампами, провели в большое помещение без окон. Стражники вышли, я остался один. С потолка свисала черная занавесь, ее складки четырехугольником огораживали центр зала.

– Жалкий клеюшник! – загремел чей-то голос; он словно бы доносился по трубам из железного подземелья. – Бьет твой последний час. Молви, что милее тебе: шинковальня, костохряска или кромсальня?

Я молчал. Калькулятор загудел, заухал и заговорил снова:

– Слушай, липкая тварь, прибывшая по наущению клейковины! Слушай могучий мой голос, клееныш причмокнувший, слизнючка кисельчатая! В неизреченном милосердии светлейших токов моих дарую тебе снисхождение: ежели вступишь в ряды верного моего воинства, ежели сердцем более всего на свете бесподобцем стать пожелаешь, я, возможно, сохраню тебе жизнь.

Я отвечал, что это издавна было моей сокровенной мечтой. Калькулятор загоготал издевательским, пульсирующим смехом и сказал:

– Сказкам твоим веры не даю ни на грош. Слышь, хлюпняк. Липкую свою жизнь можешь сберечь единственно как тайный бесподобец-алебардист. Задачей твоею будет клеюшников-лазутчиков, агентов, изменщиков и прочую нечисть, которую клейковина сюда присылает, избличать, обнажать, забрало сдирать,

железюгой каленой выжигать и лишь таковою верною службой можешь спастись.

Я торжественным манером поклялся и был уведен в соседнюю комнату; там меня занесли в реестр, обязав каждодневно представлять рапорт в Главную Алебардьерню, а потом – разбитого, еле стоящего на ногах – выпустили из дворца.

Смеркалось. Я отправился за город, сел на траву и задумался. Тяжко было у меня на душе. Если бы меня обезглавили, я хотя бы сохранил честь; теперь же, перейдя на сторону этого электроизверга, я предал дело, ради которого был сюда послан, загубил свою миссию. Так что же – возвращаться к ракете? Это означало бы позорное бегство. И все-таки я тронулся в путь. Судьба соглядатая в услужении у машины, которая правит отрядами железных ящиков, была бы еще позорнее. Но как описать мое потрясение, когда там, где я оставил ракету, я увидел одни лишь обломки – разбросанные, покореженные какими-то машинами!

Было уже темно, когда я добрался до города. Присев на камне, я в первый раз в жизни горько зарыдал по утраченной родине, а слезы, стекая по железному нутру полого истукана, которому отныне суждено было служить мне тюрьмой до самой могилы, вытекали через наколенные щели, грозя ржавчиной и отвердением суставов. Но мне уже было все равно.

Вдруг в последних лучах заката я увидел взвод алебардистов, медленно продвигавшийся к пригородным лугам. Что-то странное было в их поведении. Сумерки сгущались, и, пользуясь темнотой, то один, то другой отделялся от строя и, как можно тише перебирая ногами, скрывался в кустах. Это было так удивительно, что, несмотря на свое безмерно угнетенное состояние, я тихонько встал и двинулся за ближайшим из них.

Эта была, должен добавить, пора, когда в пригородных кустарниках поспевали дикie ягоды, по вкусу напоминающие бруснику, только слаще. Я сам объедался ими всякий раз, как удавалось выбраться из железного града. Каково же было мое изумление, когда я увидел, что отслеживаемый мною алебардист маленьким ключиком, точь-в-точь как тот, что вручил мне сотрудник Второго Отдела, открывает свое забрало и, в две руки обрывая ягоды, как безумный запихивает их в разинутый рот! Даже оттуда до меня доносилось торопливое чавканье и причмокивание.

– Тс-с, – прошипел я пронзительно, – эй, послушай!

Он мигом прыгнул в кусты, но дальше не убегал – я бы услышал. Он был где-то рядом.

– Эй, – сказал я, понизив голос, – не бойся. Я человек. Человек. Я тоже переодетый.

Что-то – кажется, один-единственный, горящий страхом и подозрением глаз – зыркнуло на меня из-за листьев.

– А коли обманываешь? Как мне то знать? – услышал я хриплый голос.

– Да говорят же тебе. Не бойся. Я прибыл с Земли. Меня сюда нарочно послали.

Я уговаривал его до тех пор, пока он не успокоился настолько, что вылез из кустов. В темноте он потрогал мой панцирь.

– Подлинно ли ты человек? Ужели то правда?

– А ты почему не говоришь по-людски? – спросил я.

– Ино попрizaбыл. Пятый уж год, как меня сюда рок безщастный занес... натерпелся, что и словами не скажешь... Истинно, благая фортуна, иже даровала мне клеюшника пред кончиной узреть... – бормотал он.

– Опомнись! Перестань нести околесицу! Слушай: а ты, случаем, не из Второго?

– Ино так. Вестимо, из Второго. Малингаут меня сюда снарядил на муки жестокие.

– Что ж ты не убежал?

– Статочное ли дело! Вить ракету мою разобрали да в премелкую дробь раздробили. Братец – не можно мне тут сидеть. В казармы пора... ах, еще ль когда свидимся? К казармам поутре приходи... придешь?

Уговорился я с ним, даже не зная, как он выглядит, и мы распрощались; он велел мне оставаться на месте, а сам исчез в темноте. Я вернулся в город приободренный, потому что видел уже возможность организации заговора; а пока, чтобы набраться сил, заночевал на первом попавшемся постоялом дворе.

Утром, разглядывая себя в зеркало, я заметил на груди, под левым наплечником, маленький меловой крестик, и у меня словно шоры упали с глаз. Тот человек хотел меня выдать – и пометил крестом! «Мерзавец!» – мысленно твердил я, лихорадочно размышляя, что теперь делать. Я стер иудино клеймо, но этого было недостаточно. Он, поди, уже и рапорт подал, и теперь начнутся поиски замеченного клеюшника; конечно, они поднимут свои реестры и прежде всего проверят наиболее подозрительных – а я ведь там был, в этих списках; при мысли о предстоящем допросе меня бросило в дрожь. Надо было как-то отвести подозрение от себя, и вскоре я нашел способ. Весь день я провел на постоялом дворе, для маскировки кромсая телят, а с наступлением темноты вышел на улицу, пряча в руке кусок мела. Я поставил добрых четыре сотни крестов на железных спинах прохожих – всякий, кто мне подвернулся, получил отметину. Поздно ночью, в несколько лучшем расположении духа, я вернулся на постоялый двор и лишь тут вспомнил, что кроме давешнего иуды в кустах копошились и другие алебардисты. Здесь было над чем поразмыслить. Вдруг меня осенила поразительно простая догадка. Я снова отправился за город, в ягодник. Около полуночи явился все тот же железный сброд, понемногу разбежался, рассыпался, и лишь из окружающих зарослей доносилось посапыванье и причмокиванье остервенело жующих ртов; потом залязгали опускаемые забрала, и вся компания стала молчком выбираться из кустов, обожравшись ягодами до отвала. Я пристроился к ним; в темноте меня приняли за своего; маршируя, я метил соседей кружочками, куда попало, а у ворот алебардьерни повернулся кругом и пошел на свой постоялый двор.

Назавтра я уселся на лавке возле казарм, ожидая выхода стражников, получивших увольнительную в город. Отыскав в толпе служивого с кружком на лопатке, я пошел за ним; улучив минуту, когда рядом никого не было, хлопнул его по плечу железной перчаткой, так что он весь загремел, и произнес:

– Именем Его Индуктивности! Следуй за мной!

Он так испугался, что начал лязгать всем корпусом, и без единого слова поплелся за мной, покорный как кролик. Я запер двери горницы, вынул из

кармана отвертку и начал отвинчивать ему голову. На это ушел целый час. Наконец я поднял железный горшок, и моему взору предстало неприятно побелевшее от долгого пребывания в темноте, исхудавшее лицо с вытаращенными в страхе глазами.

– Клеюшник?! – грозно спросил я.

– Точно так, ваша милость, однако ж...

– Что однако ж?!

– Однако ж я... вписан в реестр... присягу давал на верность Его Индуктивности!

– Давно ль, отвечай?!

– Три... три года тому... ваша милость... Почто... почто вы меня...

– Погоди, – сказал я, – а иных клеюшников знаешь?

– На Земле? Вестимо, знаю, ваша честь... помилосердствуйте, я ино...

– Не на Земле, остолоп! Здесь!

– Никак! Никогда! Возможно ль! Как скоро узрю, мигом донесу, ваша ми...

– Ну, довольно, – сказал я. – Ступай. Голову сам себе привинти.

Я сунул ему все его винтики и вытолкнул за дверь – было слышно, как он напяливает свой череп трясущимися руками, – а сам присел на кровать, немало удивленный услышанным. Всю следующую неделю я трудился без устали: брал с улицы первых встречных, вел их на постоянный двор и там отвинчивал головы. Предчувствие не обмануло меня: все до единого были людьми! Я не нашел ни одного робота! Понемногу в уме у меня складывалась апокалиптическая картина...

Да он просто дьявол, электрический дьявол, этот Калькулятор! В его раскаленных проводах родилась настоящая преисподняя! Планета была сырая, для роботов в высшей степени нездоровая, они, конечно, ржавели целыми толпами; должно быть, чем дальше, тем больше не доставало запасных частей, роботы выходили из строя, один за другим отправлялись на пригородное кладбище, и только ветер отбивал похоронный звон листьями ржавеющей стали. Тогда-то, видя, как редуют его ряды, поняв, что его владычество под угрозой, Калькулятор решился на гениальный трюк. Из врагов, из посылаемых ему на погибель шпионов он стал вербовать свое собственное войско, собственных агентов, собственный народ! Никто из них не мог ему изменить – никто не отваживался сойтись поближе с другими, считая их роботами, а если бы и проведал о ком-нибудь правду, все равно побоялся бы, что тот его сразу же выдаст, как это сделал человек, застигнутый мною в кустарнике. Калькулятор не просто обезвреживал врагов, но каждого делал бойцом за свое дело; вынуждая перевербованного выдавать других засылаемых на планету людей, он лишний раз доказывал свое дьявольское коварство: кто же мог лучше опознать человека, если не сами люди, знавшие все секреты Второго Отдела?!

Разоблаченный, внесенный в реестры, принявший присягу человек чувствовал себя одиноким и, пожалуй, боялся себе подобных даже больше, чем роботов, ведь не каждый робот был на службе у тайной полиции, а люди – все до единого. Вот так электрический монстр держал нас в порабощении, угрожая всем – всеми; ведь это мои товарищи по несчастью разнесли мою ракету в куски, а еще раньше (мне сказал об этом один из алебардистов) – и тысячи других ракет.

«Ад, исчадие ада!» – думал я, дрожа от бешенства. И мало того, что он вынуждал к измене, а Отдел присылал все новых и новых людей к его же пользе, – но вдобавок их облачали в самые лучшие, самые качественные, нержавеющие доспехи! Оставался ли еще хоть один робот в этих закованных в сталь отрядах? В этом я сильно сомневался. Теперь мне стало понятно усердие, с которым они преследовали своих. Этим неوفитам бесподобчества, навербованным из людей, приходилось быть больше роботами, чем настоящие роботы. Отсюда та жгучая ненависть, которой пылал ко мне адвокат; отсюда же – подлая попытка выдать меня, предпринятая человеком, которому я открылся. Какой демонизм проводов и катушек, какая электростратегия!

Разглашение тайны ни к чему бы не привело; по приказу Калькулятора меня, конечно, засадили бы в подземелье – слишком давно покорность вошла в привычку, слишком долго изображали они послушание и преданность

электрифицированному Вельзевулу; они и говорить-то по-своему разучились!

Что делать? Пробраться во дворец? Безумие. Но что мне еще оставалось? Невероятно: вот город, окруженный кладбищами, на которых покоится обращенное в ржавчину воинство Калькулятора, а он властвует по-прежнему, могущественный как никогда, совершенно уверенный в себе, ведь Земля шлет ему все новые пополнения – чертовщина, и только! Чем дольше я размышлял, тем лучше понимал, что даже это открытие, которое, несомненно, уже не однажды было сделано до меня, ничуть не меняет моего положения. В одиночку я ничего не добьюсь, надо кому-то довериться, кому-то открыться – но тогда меня бы немедленно предали; предатель, понятно, рассчитывал на продвижение по службе, на особые милости ужасной машины. «Клянусь святым Электрицием, – думал я, – истинно, это гений...» И, думая так, замечал, что и сам уже слегка архаизирую речь, что и мне передается эта зараза, что естественной мне начинает казаться внешность этих железных чурбанов, а человеческое лицо – каким-то голым, уродливым, неприличным... клеюшным. «О Боже, я ведь схожу с ума, – мелькнула мысль, – а другие, верно, давно уже спятили... На помощь!»

После ночи, проведенной в мрачных раздумьях, я отправился в центр, там за тридцать ферклов купил самый острый тесак, какой только смог найти, и с наступлением сумерек пробрался в огромный сад, окружавший дворец Калькулятора. Здесь, укрывшись в кустах, я с помощью отвертки и плоскогубцев выбрался из железного панциря и босой бесшумно вскарабкался по водосточной трубе на второй этаж. Окно было открыто. По коридору, глухо лязгая, расхаживал караульный. Когда он оказался в дальнем конце коридора, ко мне спиной, я спрыгнул внутрь, быстро добежал до ближайшей двери и тихо вошел – он ничего не заметил.

Это был тот самый зал, в котором я слышал голос Калькулятора. Здесь царил мрак. Я раздвинул черную занавесь и увидел огромную, до потолка, панель Калькулятора со светящимися как глаза индикаторами. Сбоку белела какая-то щель – чуть приоткрытые двери. Я подошел к ним на цыпочках и затаил дух.

Нутро Калькулятора походило на маленький номер второразрядной гостиницы. У стены стоял приоткрытый сейф со связкой ключей в замке. За письменным столом, заваленным бумагами, сидел старообразный, ссохшийся человек в сером костюме и бухгалтерских нарукавниках с буфами и страница за страницей заполнял какие-то формуляры. Рядом дымился стакан с чаем и стояла тарелка с печеньем. Я неслышно вошел и притворил дверь. Она даже не скрипнула.

– Тс-с, – сказал я, обеими руками занося над головою тесак.

Человечек вздрогнул и поднял глаза; блеск занесенного тесака поверг его в неопиcуемый ужас. С искаженным лицом он упал на колени.

– Нет!! – взмолился он. – Не-ет!!!

– Будешь кричать – бесславно погибнешь, – сказал я. – Кто ты?!

– Ге... Гептагоний Аргуссон, ваша милость.

– Я тебе вовсе не милость. Называй меня «господин Тихий», ясно?!

– Так точно! Да! Да!

– Где Калькулятор?

– Го... господин...

– Никакого Калькулятора нету, а?!

– Так точно! Такой у меня был приказ!

– Ага. Чей, если не секрет?

Он дрожал всем телом. Умоляюще воздел руки.

– Ох, быть беде... – простонал он. – Пощадите! Не вынуждайте меня, ваша ми... простите! – господин Тихий! Я... я всего лишь служащий четвертой категории...

– Что я слышу? А Калькулятор? А роботы?

– Господин Тихий, сжальтесь! Я открою всю правду! Наш шеф – это он все устроил. Ради кредитов... расширения сферы деятельности, ради большей... э-э... оперативности... и чтобы проверить наших людей, но главное – это

кредиты...

– Так это было подстроено? Все-все?!

– Не знаю! Клянусь вам! С тех пор как я здесь – ничего не менялось, только не думайте, будто я тут главный, сохрани Бог! Я только личные дела заполняю, и все. Хотели проверить... сдюжат ли наши люди перед лицом врага... в критической обстановке... готовы ли они на смерть...

– А почему никто не вернулся?

– Потому что... потому что все предали, господин Тихий.... ни один не согласился отдать жизнь за дело клейковины... тьфу ты! – за наше дело, хотел я сказать, извините – привычка! Одиннадцать лет я тут безвылазно, думал, через годик на пенсию, у меня жена и ребенок, господин Тихий, умоляю...

– Заткнись! – гневно загремел я. – О пенсии размечтался, мерзавец, я тебе покажу пенсию!

Я поднял тесак над головой. У человечка глаза вылезли из орбит; он пополз к моим ногам на коленях.

Я велел ему встать. Убедившись, что в сейфе есть маленькое зарешеченное окошко, я запер его там.

– И ни гугу у меня! Посмей только постучать или лязгнуть, паршивец, – сразу на шинковальню!

Остальное было уже просто. Ночь я провел не самую лучшую: листал бумаги. Отчеты, донесения, анкеты – на каждого жителя планеты отдельная папка. Я застелил стол совершенно секретной корреспонденцией: надо было на чем-то спать. Утром включил микрофон и от имени Калькулятора повелел всему населению явиться на дворцовую площадь, и чтобы каждый принес отвертку и плоскогубцы. Когда они все построились, словно гигантские, вороненые шахматные фигуры, я приказал им пооткручивать друг другу головы, ради благопроводности блаженного Электриция. В одиннадцать показались первые человеческие лица, начался шум и гвалт, слышались крики «Измена!

Измена!», которые несколькими минутами позже, когда последний железный колпак с грохотом рухнул на мостовую, сменились единодушным радостным ревом. Тогда я явился в своем настоящем виде и предложил под моею командой взяться за работу: я хотел изготовить из местного сырья и материалов большой корабль. Оказалось, однако, что в подземельях дворца хранится немало ракет с полным запасом горючего, готовых к отлету. Перед стартом я выпустил Аргуссона из сейфа, но не взял его на борт и другим не позволил. Я обещал известить обо всем его шефа и высказать ему как можно подробнее, что я о нем думаю.

Так завершилось одно из самых удивительных моих путешествий. Несмотря на все труды и мученья, которых оно мне стоило, я рад был такому обороту вещей, ибо снова обрел веру – поколебленную космическими аферистами – в природное благородство электронных мозгов. Утешительно все же думать, что лишь человек способен быть проходимцем.

Путешествие двенадцатое

Вероятно, ни в каком путешествии я не подвергался таким поразительным опасностям, как в полете на Амауropsию, планету в созвездии Циклопа. Приключениями, пережитыми на ней, я обязан профессору Тарантоге. Этот ученый-астрозоолог не только прославился как исследователь, но, как известно, он в свободное время занимается также изобретательством. Между прочим, он изобрел жидкость для выведения неприятных воспоминаний, банкноты с горизонтальной восьмеркой, означающие бесконечно большую сумму денег, три способа окрашивать туман в приятные для глаза цвета, а также специальный порошок для прессовки облаков в соответствующие формы, благодаря чему они становятся плотными и долговечными.

Кроме того, он создал аппаратуру для использования бесполезно растрачиваемой (обычно) энергии детей, которые, как известно, ни минуты не могут обойтись без движения. Эта аппаратура представляет собой систему торчащих в разных местах жилища рукояток, блоков и рычагов; играя, дети толкают их, тянут, передвигают и таким образом, сами того не зная, накачивают

воду, стирают белье, чистят картофель, вырабатывают электричество и т. д. Заботясь о младшем поколении, остающемся иногда в жилище без присмотра, профессор изобрел незагорающиеся спички, выпускаемые сейчас на Земле в массовом порядке.

Однажды профессор показал мне свое последнее изобретение. В первый момент мне показалось, что я вижу перед собой обыкновенную железную печурку. Тарантога признался, что именно этот предмет он и положил в основу своего изобретения.

– Это, дорогой Ийон, извечная мечта человечества, получившая реальное воплощение, – пояснил он, – а именно – это удлинитель, или, если захочешь, замедлитель времени. Он позволяет продлить жизнь на сколько угодно. Одна минута внутри него длится около двух месяцев, если я не ошибаюсь в расчетах. Хочешь испробовать?..

Интересуясь, как всегда, новинками техники, я кивнул и с охотой втиснулся в аппарат. Едва я там уселся, профессор захлопнул дверку. У меня зачесалось в носу – сотрясение, с каким печурка закрылась, подняло в воздух невычищенные остатки сажи, так что, втянув их с воздухом, я чихнул. В этот момент профессор включил ток. Вследствие замедления времени мой чих продолжался пять суток, и, открыв дверку, Тарантога нашел меня почти без чувств от изнеможения. Он удивился и встревожился, но, узнав, в чем дело, добродушно усмехнулся и сказал:

– А в действительности по моим часам прошло только четыре секунды. Ну, что ты скажешь, Ийон, о моем изобретении?

– Сказать по правде, мне кажется, оно еще не усовершенствовано, хотя и заслуживает внимания, – ответил я, как только удалось отдышаться.

Достойный профессор несколько опечалился, но потом великодушно подарил аппарат мне, объяснив, что он может служить одинаково и для замедления и для ускорения хода времени. Чувствуя себя несколько усталым, я до времени отказался испытывать второе свойство удивительной машины, сердечно поблагодарил профессора и отвез ее к себе. По правде говоря, я не очень ясно представлял себе, что с нею делать, а потому убрал ее на чердак своего ракетного ангара, где она пролежала с полгода.

Работая над восьмым томом своей знаменитой «Астрозоологии», профессор детально ознакомился с материалами, касающимися существ, живущих на Амауропии. Ему пришло в голову, что они являются великолепными объектами для испытания замедлителя (а также ускорителя) времени.

Я ознакомился с этим проектом и так им увлекся, что в три недели собрал запас горючего и провианта, а затем, захватив с собою карты этого малознакомого мне района Галактики и аппарат, вылетел, не медля ни минуты. Это было тем разумнее, что перелет на Амауropsию продолжается около тридцати лет. О том, что я делал все это время, напишу где-нибудь в другом месте. Упомяну только об одном из самых крупных событий; это была встреча в области ядра Галактики (кстати сказать, вряд ли можно найти другое такое запыленное место!) с племенем межзвездных бродяг, называемых выгонтами.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Е. М. Сянка. Подстилка левого ящика письменного стола И. Тихого – манускрипт его неопубликованных работ; том XVI серия «Тихиана», с 1193 и след.

2

O.J. Burberrys. Kinship as velocity function in family travels; том XVII серии «Тихиана», с. 232 и след.

3

Dr.S. Hopfstosser. Das epistemologisch Unbestrittbare in einem Traume von Ijon Tichy; спец. вып. серии «Тихиана», том VI, с. 67 и след.

4

Е.М. Сянка, А.У. Хлебцец, В.У. Каламарайдысова. Частотный анализ лингвистических бета-спектров И. Тихого; том XVIII серии «Тихиана».

5

«Полное собрание сочинений» (лат.).

6

На месте (преступления) (лат.).

7

Президиум Ученого Совета Объединенных Институтов Описательной, Сравнительной и Прогностической Тихологии, Тихографии и Тихономики.

8

Собрание Произведений Ийона Тихого.

9

Математические Моделирующие Машины ПУС ОБИОСиПТТТ.

10

В состоянии становления (лат.).

11

Глубокое перемежающееся раздвоение личности (лат.).

12

Электрическое мелкоразмашистое дрожание (лат.).

Гигантомания железородная в острой форме, паранойя мизантропическая преследующая, общеэлектрическое всестороннее дебильное развитие в тяжелой форме (лат.).

Купить: <https://tellnovel.com/stanislav-lem/zvezdnye-dnevniky-iyona-tihogo-sbornik>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)